106 II 1-46

М. и В. И. УСПЕНСКІЕ.

ЗАМѢТКИ

О ДРЕВНЕ-РУССКОМЪ ИКОНОПИСАНІИ.

ИЗВѢСТНЫЕ ИКОНОПИСЦЫ И ИХЪ ПРОИЗВЕДЕНІЯ.

I. Св. АЛИМПІЙ

и

II. АНДРЕЙ РУБЛЕВЪ.

СПБ.
1901.

Пров. 1955
Пр.
(5)
ND
699
Руб
Усп
ND
683
6
197180

Печатано по распоряженію Археологическаго Института.

Директоръ *Н. Покровскій.*

ЦЕНТРАЛЬНАЯ
БИБЛІОТЕКА
Отделение Наук
Академии Наук СССР

СУНОДАЛЬНАЯ ТИПОГРАФІЯ.

Замѣтки о древне-русскомъ иконописаніи.

ИЗВѢСТНЫЕ ИКОНОПИСЦЫ И ИХЪ ПРОИЗВЕДЕНІЯ.

Св. АЛИМПІЙ.

СВ. АЛИМПІЙ—первый извѣстный иконописецъ въ Россіи. Онъ признается первымъ русскимъ иконописцемъ, родоначальникомъ русской иконописи и живописи. Его жизнь относится къ концу XI и началу XII столѣтія. Въ памятникахъ же XIII столѣтія,—во второмъ посланіи Поликарпа, черноризца Печерскаго монастыря, къ игумену его Акиндину «о святыхъ и блаженныхъ черноризцѣхъ братіи нашей» (это посланіе вошло и въ составъ

Патерика Печерскаго) сообщаются довольно обстоятельныя свѣдѣнія о жизни и дѣятельности св. Алимпія.

Его имя «въ Кіевскомъ Патерикѣ по изданію Яковлева (Памятники русской литературы XII—XIII в. Спб. 1872 г. стр. 124 и слѣд.)—Алимпій, а равно въ Патерикѣ Макар. Чет.-Миней (Новг. Соф. библ. № 1321, л. 305 «о бл. Алимпіи иконописцѣ»); въ Кіевск. печатн. Печ. Патерикѣ—Алипій, какъ пишетъ его имя (по этому изданію Патер.) и св. Димитрій Ростовскій въ Чет.-Мин., а изъ него Алипіемъ именуется онъ и въ новѣйшихъ Мѣсяцесловахъ (синод. изд. Московское 1851 г. и Петербург. 1891 г.).—Правильнѣе слѣдуетъ читать имя его, вѣроятно, Олимпій, потому что имени Алимпій въ Восточномъ мѣсяц. нѣтъ. Между прочимъ и Stadler въ Heilig Lex. пишетъ «Alimpius Iconicus»—t. 1. 155» [1]). Въ Восточномъ мѣсяцесловѣ есть и Алипій—по русски—безпечальный и Олимпій—небесный, Олимпійскій.

«Сей Алимпій, во дни благовѣрнаго князя Кіевскаго Всеволода Ярославича (княжилъ съ 1078 года по 1093),—преданъ бысть родителями греческимъ иконописцамъ, пришедшимъ (1084 г.) на украшеніе святыя Печерскія церкви въ наученіе иконнаго изображенія» [2]),—конечно, въ надеждѣ, что мастерство иконописанія доставитъ ему средства къ пропитанію,—а это указываетъ на значительный тогда спросъ на иконы. Весьма вѣроятно предположеніе, что св. Алимпій былъ уроженецъ кіевскій [3]). При росписаніи Печерской церкви, онъ, «учася, мастеромъ своимъ помогаше» [4]). Учился онъ не только писать иконы, но и приготовлять ихъ изъ мозаики.

---

[1]) Проф. А. И. Пономаревъ въ Православной богословской энциклопедіи, т. I, Спб. 1900 г., стр. 537.—Листъ (305 об.) рукоп. Новг. Соф. библ. здѣсь указанъ ошибочно, слѣдовало указать 205 об.

[2]) Патерикъ Печерскій Кіевской печати по изд. 1863 г., л. 147 об; ср. В. Яковлева Памятники русской лит. XII и XIII в. Спб. 1872 г., стр. CLXXIV и ркп. Соф. библ. № 1321, л. 205 об.

[3]) Собко Н. П. Словарь русскихъ художниковъ, т. I, в. 1. Спб. 1893 г., стр. 123; ср. Школа рисованія 1858 г. № 1, стр. 1; Полный христ. мѣсяцесловъ, М. 1813 г. стр. 124.

[4]) Патер. Кіевской печ., л. 147 об.; ср. Яковл. Памятн. русск. лит., стр. CLXXV и ркп. Соф. библ. № 1321, л. 205 об.

Въ житіи св. Алимпія, напечатанномъ въ «Школѣ рисованія» 1885 г. № 1, сообщаются любопытныя подробности объ его воспитаніи, а именно: «Алимпій былъ сынъ благочестивыхъ родителей, учился въ юности грамотѣ и охотно занимался переписываніемъ книгъ и рисованіемъ въ нихъ миніатюрныхъ украшеній (исторіографъ именуетъ видѣнные имъ Псалтирь и одно Евангеліе (очень жаль, что неизвѣстно гдѣ). Родители Алимпія, видя въ сынѣ страсть къ живописи, рѣшились посвятить его изученію иконописанія» (стр. 1). Неужели рисованіемъ миніатюръ въ Псалтиряхъ и Евангеліяхъ занимались дѣти, даже не обучавшіяся живописи, какъ—будто это была дѣтская забава? Вообще, подробности эти представляются произведеніемъ фантазіи автора.

Въ «Настольной книгѣ для священнослужителей» (Харьковъ, 1901 г.) г. Булгакова о св. Алимпіи говорится, что «онъ безплатно украсилъ Печерскую церковь» (стр. 228). «Откуда авторъ узналъ это?»—справедливо спрашиваетъ А. И. Пономаревъ [1]).

Явившись въ Россію не безъ корыстныхъ цѣлей, сильно торговавшіеся съ печерскими иноками изъ-за платы за работу, греческіе иконописцы впослѣдствіи такъ привязались къ русскому монастырю и увлеклись мирною его жизнію, что, по окончаніи работы, не захотѣли вернуться на родину, но, принявъ монашество, подобно сложившимъ Печерскую церковь каменьщикамъ, здѣсь и умерли и погребены. Не менѣе сильное впечатлѣніе монастырская жизнь должна была произвести на ихъ юнаго ученика Алимпія, и вотъ,—«скончавшимъ дѣло свое иконописцемъ и украсившимъ образы написанными святую церковь,—украшенъ бысть Алимпій добродѣтельнымъ образомъ святаго ангельскаго иноческаго чина отъ преподобнаго игумена Никона» [2]) въ 1087 г. [3]). Ко времени вступленія въ монашество онъ былъ уже

---

[1]) Прав. богосл. энцикл., стр. 540.

[2]) Патерикъ Кіевской печ., л. 147 об.

[3]) Опытъ историческаго словаря о всѣхъ въ истинной православной греко-россійской вѣрѣ святою непорочною жизнію прославившихся святыхъ мужахъ. М. 1784 г., стр. 18.

хорошо свѣдущимъ въ мастерствѣ иконописанія: «добрѣ извыкъ хытрости иконнѣй; иконы писати хытръ бѣ зѣло» [1]).

Св. Алимпій отличался замѣчательнымъ трудолюбіемъ: «работаше бо, елико же довольно бысть всѣмъ, игумену и братіи, писаше иконы», т. е. написалъ иконъ для всѣхъ довольно. «Аще-ли когда не имяше дѣла себѣ сей преподобный,—т. е. когда не было у него заказовъ,—то, взаимъ взимая злато и сребро еже иконамъ на потребу, съдѣаше, и имъже бѣ долженъ, и се взимая отдаваше икону за таковый долгъ». Много разъ св. Алимпій просилъ своихъ друзей,—«да, въ церкви гдѣ видѣвше обетшавшая иконы, тыя къ нему принесутъ, и, сіа обновивъ, поставляше на своихъ мѣстахъ» [2]).

Постоянно упражняясь въ иконописаніи, св. Алимпій, конечно, долженъ былъ, что называется, набить руку, и произведенія его кисти должны были отличаться значительнымъ совершенствомъ. Вообще, подражая древнимъ святымъ отцамъ и апостолу Павлу, снискивавшимъ пропитаніе физическимъ трудомъ, онъ старался никогда не быть празднымъ. Это былъ одинъ изъ подвижниковъ — аскетовъ, прославившихъ Печерскую обитель, обнаружившихъ великую мощь духа въ борьбѣ за господство надъ плотью, за самообладаніе, при разнузданности и дикости нравовъ современнаго полуязыческаго общества. Св. Алимпій «не дадяше себѣ покоя по вся дни, въ нощь же на пѣніи и молитвѣ упражняшеся; дни же приспѣвшу, отлучащеся на дѣло. Собора церковнаго, вины ради дѣланія, отлучащеся николиже», т. е. не опускалъ церковныхъ службъ или не дозволялъ себѣ отлучекъ изъ монастыря даже для работы иконописанія. Современникъ Владиміра Мономаха, онъ, вѣроятно, раздѣлялъ его убѣжденіе, что «лѣность всему (худому) мати», и, подобно Мономаху, старался не зарыть въ землю данныхъ Богомъ талантовъ.

Св. Алимпій отличался также безкорыстіемъ и благотворительностію: «хытрости» иконописанія «въсхотѣ научитися не

[1]) Ркп. Соф. библ. № 1321, л. 206 об.; у Яковлева, стр. CLXXV.
[2]) Ibid.

не богатства ради, но Бога ради се творяше» [1]); «никоеяже мзды на земли требуя, рукодѣліемъ своимъ украшаше» дома и церкви [2]). А если случалось что заработать,—это онъ обыкновенно дѣлилъ на три части: «едину часть на святыя иконы, вторую часть въ милостыню нищимъ, а третью часть на потребу тѣлу своему» (такъ въ текстѣ Патер. Чет.-Мин. Макар.; въ изд. Яковлева «на потребу дѣла своему»; въ печат. Кіевск. Патер. и Чет.-Мин. Димитрія Рост. «на потребу монастырскую»).

Еще отличительныя черты св. Алимпія: «смиреніе, чистота, терпѣніе, постъ, любовь, богомышленіе» [3]), «незлобіе сердца». «Никогда же бо,—поется ему въ церковной пѣсни,—огорчился еси на оскорбляющихъ тя, ниже воздалъ еси зломъ за зло» [4]) (тропарь 8-ой пѣсни канона).

Во вниманіе къ добродѣтельной жизни Алимпія игуменъ возвелъ его въ санъ іеромонаха. «Тогда,—говоритъ краснорѣчивый составитель его житія,—преподобный аки свѣщникъ поставленъ на свѣщницѣ, ближае же реку, аки образъ на высокомъ мѣстѣ, бо́льшею сугубыхъ добродѣтелей иноческихъ же и іерейскихъ красотою просія, яко показатися ему образу не просту, но чудотворну» [5]). Въ житіи св. Алимпія передается о нѣсколькихъ его чудесахъ. Онъ жилъ въ первое время христіанства въ Россіи. Русская церковь переживала, если можно такъ выразиться, возрастъ дѣтства, юности. Ея исторія того времени обильна чудесами, подобно тому какъ въ дѣтствѣ и юности отдѣльнаго лица господствуютъ непонятные, таинственные образы воображенія и фантазіи. Во всякомъ случаѣ, разсказы о чудесахъ св. Алимпія служатъ къ характеристикѣ его личности, свидѣтельствуя о взглядѣ современниковъ на него, какъ на человѣка выдающагося по своей добродѣтельной жизни, близкаго къ божеству, чудотворца.

---

[1]) Ibid.
[2]) Патер. Кіевск. печ., л. 148.
[3]) Ibid., л. 148 и об.
[4]) Службы преподобнымъ отцемъ Печерскимъ. Кіевъ 1763 г., л. 108 об.
[5]) Въ Патерикѣ Кіев. печ., л. 148 об.

Подобно первому христіанскому живописцу—евангелисту Лукѣ, первый русскій иконописецъ—св. Алимпій съ умѣніемъ писать иконы соединялъ умѣніе врачевать болѣзни. Одинъ изъ кіевскихъ богачей заболѣлъ проказою. Напрасно онъ обращался за помощью къ волхвамъ, врачамъ «и иновѣрнымъ людямъ»: ему еще хуже отъ того стало. По настоянію одного изъ друзей онъ явился просить помощи въ Печерскій монастырь. Игуменъ приказалъ напоить его водою изъ колодезя преподобнаго Ѳеодосія и помазать голову и лице: но, «за невѣрствіе свое», больной «абіе вскипѣ весь гноемъ, яко всѣмъ смрада ради бѣгати его». Съ плачемъ и жалобами вернулся онъ домой и много дней не показывался оттуда «за студъ смрада», каждый день ожидая смерти. Пришедши опять въ Печерскій монастырь, онъ исповѣдалъ свои грѣхи предъ св. Алимпіемъ. «Блаженный же, много поучивъ его еже о спасеніи души, и вземъ вапницу и шаровными вапы лице его украси, струпы гнойныя замазавъ, и сего на первое подобіе и благообразіе претвори и приведе его въ божественную церковь Печерскую; дасть ему причастіе святыхъ таины и повелѣ умытися водою, еюже священницы умываются по причастіи, и ту абіе спадоша ему струпы и исцѣлѣ». Въ благодарность за это правнукъ исцѣленнаго оковалъ золотомъ «кивотъ надъ святымъ престоломъ (киворій) въ Печерской церкви».

Поликарпъ приводитъ рѣчь св. Алимпія послѣ исцѣленія прокаженнаго, которая свидѣтельствуетъ о начитанности автора въ Священномъ Писаніи. «Братіе,—говоритъ св. Алимпій,—внимайте сему рекшему: не можетъ рабъ двѣма господама работати (Мѳ. VI, 24; Лук. XVI, 13), якоже и сіи: преже поработися врачу чарованія грѣхомъ, послѣди же пріиде къ Богу. Отчаявся бо преже спасенія своего, и больша проказа нападе нань невѣрствіа ради его; просите бо, рече Господь, и непросто прóсите и пріимите (Мѳ. VII, 7); и егда же покаяся Богу и мене послуха постави, и скоро на милость сего ущедри» [1]).

[1]) Рук. Соф. библ. № 1321 л. 206 об.—207, Яковл. стр. CLXXVI,—CLXXVII.

За добродѣтельное житіе св. Алимпія Богу угодно было написать за него иконы чудеснымъ образомъ.

Одинъ кіевлянинъ, «христолюбецъ,» выстроилъ церковь и пожелалъ «на украшеніе ея» заказать семь большихъ иконъ: «5 деисуса (вѣроятно, образа Спасителя, Божіей Матери, Предтечи и архангеловъ: Михаила и Гавріила) и двѣ намѣстнѣй». Онъ далъ двумъ своимъ знакомымъ инокамъ Печерскаго монастыря серебро и доски для иконъ съ просьбою, — «да створятъ рядъ съ Алимпіемъ, и, еже хощетъ, възметъ отъ иконъ». Христолюбецъ, очевидно, весьма почиталъ св. Алимпія и высоко цѣнилъ произведенія его кисти. Но эти два монаха былъ народъ ненадежный: взяли съ христолюбца серебра, сколько хотѣли, и присвоили себѣ, Алимпію же ничего не сказали. Спустя нѣсколько времени, христолюбивый мужъ посылаетъ къ нимъ узнать, — не написаны ли иконы. Плуты отвѣчали: «еще злата требуетъ Алимпій,» а снова присланное золото опять себѣ присвоили. Этимъ все-таки они неудовлетворились, — сами посылаютъ [1]) къ христолюбцу за золотомъ, говоря: «Еще проситъ (Алимпій) толикоже, еликоже взято». Христолюбецъ даетъ «съ радостію». «Аще и десятижды въпроситъ, то дамъ,—говоритъ онъ;—токмо благословенія его хощу, и молитвы и дѣла руку его» [2]), т. е. готовъ заплатить сколько угодно, лишь бы получить иконы его работы. Все-таки въ душѣ заказчика возникло подозрѣніе, что его обманываютъ, и онъ присылаетъ, «хотя извѣстно увѣдати», т. е. хорошенько узнать, написаны-ли или пишутся-ли для него иконы. Монахи-обманщики, «не обрѣтше, что отвѣщати» [3]), сообщаютъ ему: «Алимпій, поимавъ злато и сребро и съ лихвою, и не хощетъ писати иконъ твоихъ». Оскорбленный закащикъ «со многою дружиною» является къ игумену, преподобному Никону, «хотя въсдвигнути крамолу на преподобнаго Алимпія» (т. е. скандалъ противъ него устроить). Игуменъ, призвавъ Алимпія,

[1]) По словамъ Поликарпа, посылаютъ два раза, а согласно Патер. Кіевск. печати—одинъ разъ.

[2]) Ркп. № 1321 л. 207; Яковлевъ, стр. CLXXVII.

[3]) Пат. Кіевск. печатн., л. 108.

спрашиваетъ: «Брате! что се неправда сія бысть отъ тебѣ сынови нашему? Многажды бо моли тя, дая ти, что хощеши; иногда же и туне пишеши?»—«Отче честный! —отвѣчаетъ Алимпій,—вѣсть твоя святыня, яко никогдаже имѣхъ лѣности о дѣлѣ семъ; нынѣ же не свѣмъ (никакъ не догадаюсь), о чемъ глаголеши».—«Три цѣны (т. е. въ три-дорога,—очень дорого) взялъ еси отъ седми иконъ»...—говоритъ игуменъ. Для обличенія Алимпія онъ приказалъ принести данныя закащикомъ доски для иконъ (еще наканунѣ ихъ видѣли «въ единой храминѣ монастырской» не писанными,—прибавляетъ печатн. Кіевскій Патерикъ) и позвать на очную ставку монаховъ, служившихъ посредниками между закащикомъ и Алимпіемъ, «да прятся съ ними». На доскахъ, однако, оказались иконы «написаны зѣло хытро»,—и когда принесли ихъ къ игумену, всѣ удивились, пришли въ ужасъ и, павши ницъ, съ трепетомъ поклонились этимъ «нерукотвореннымъ» образамъ І. Христа, Богоматери и святыхъ. Монахи-обманщики, явившись послѣ и, не зная о чудѣ, начали укорять св. Алимпія: «Три цѣны взялъ еси, и иконъ не пишеши.» Тогда имъ показали иконы, говоря, что онѣ написаны самимъ Богомъ. Уличенные въ обманѣ плуты были изгнаны изъ монастыря и «вещей своихъ отпадоша,» т. е. лишились своихъ пожитковъ. Но и послѣ того не переставали лгать и, когда слава о чудесно-написанныхъ иконахъ распространилась по всему городу и народъ собирался смотрѣть ихъ и поклониться имъ,—эти монахи останавливали его, говоря: «Мы есмы написали иконы; господинъ же тѣхъ, не хотя дати намъ мзды, и се сълга, яко Богомъ написаны суть». «И люди вѣроваша мнихомъ,»—прибавляетъ Поликарпъ. Для характеристики послѣднихъ служитъ его замѣчаніе, что «сіа черноризца—крадшая монастырь», получивъ отъ закащика золото, «истеряста» его, т. е. растратили безъ нужды, размотали;—слѣдовательно, это были кутилы, нечистые на руку [1]).

Съ дѣтства, по волѣ родителей, посвятивши себя иконописанію, св. Алимпій въ продолженіе всей потомъ жизни писалъ

[1]) Ркп. Соф. библ. № 1321, л. 207, Яковлевъ, стр. CLXXVIII и слѣд.

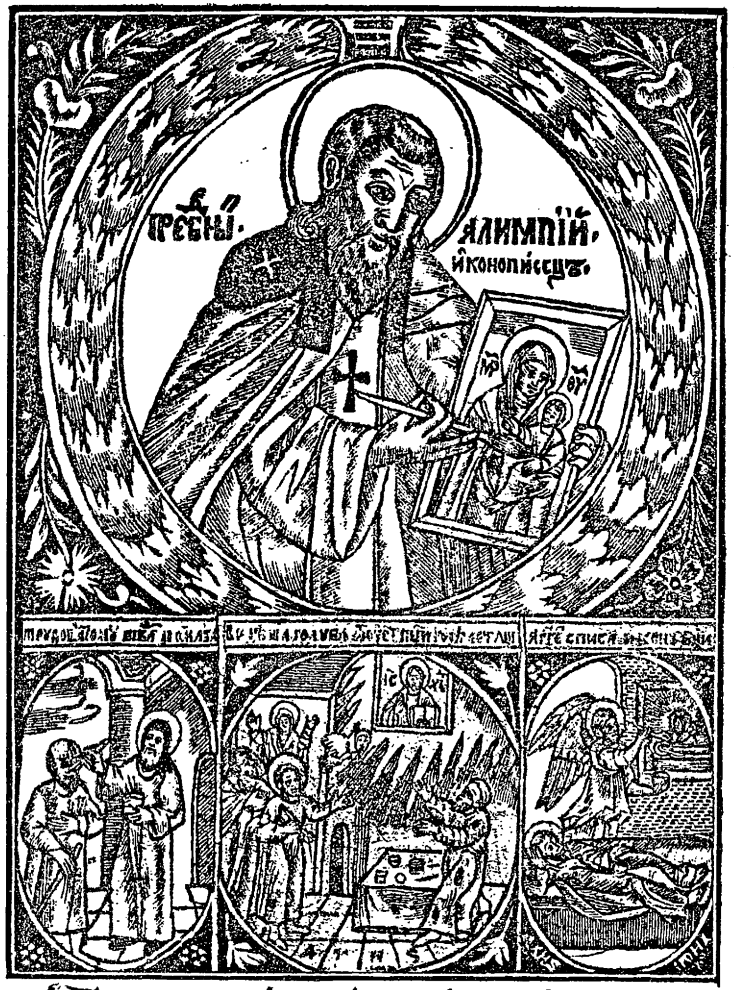
иконы, что называется, не покладая рукъ и умеръ занятый мыслію объ иконахъ.

Одинъ благочестивый человѣкъ заказалъ ему намѣстную икону Успенія Пресвятыя Богородицы съ убѣдительною просьбою приготовить ее къ празднику Успенія. Спустя немного дней разболѣлся св. Алимпій, а икона еще не написана. «Боголюбецъ же той притужаше (докучалъ?) блаженному». «Чадо,—говорилъ ему Алимпій,—не приходи ко мнѣ, ни стужай ми, но възверзи на Господа печаль еже о иконѣ, и той сотворитъ якоже хощетъ: икона въ свой праздникъ на своемъ мѣстѣ станетъ». Закащикъ повѣрилъ и съ радостію, что икона къ празднику будетъ готова, ушелъ. 14 августа приходитъ онъ за иконою и видитъ,—икона не писана, а св. Алимпій боленъ сильнѣе прежняго, и началъ укорять его: «Почто не възвѣстилъ ми еси своя немощи, и азъ быхъ далъ иному писати, дабы праздникъ свѣтелъ и честенъ былъ, нынѣ же посрамилъ мя еси». Больной съ кротостію отвѣтилъ: «Брате! еда лѣностію се сътворихъ? или не возможно Богу икону Своея Матери написати; азъ бо отхожу свѣта сего, якоже яви ми Господь, и по моемъ отшествіи всяко утѣшитъ тя Богъ». Закащикъ ушелъ отъ Алимпія, «печалуя зѣло». По уходѣ закащика, видитъ Алимпій, что въ келію къ нему вошелъ юноша «свѣтелъ» и началъ писать икону Успенія Богоматери. Алимпій сначала принялъ его за человѣка, полагая, что это другой иконописецъ, котораго прислалъ закащикъ, но скорость и красота дѣла «бесплотна показа,»—обнаружили въ немъ ангела. Онъ то золото клалъ на икону, то теръ краски на камнѣ и писалъ ими, «и тако въ три часа икону написа зѣло красну!» «О калугере(батюшка),—спросилъ онъ у Алимпія:—еда что недостаточно, или чимъ согрѣшихъ»? т. е. не нужно ли еще чего сдѣлать, не ошибся ли я въ чемъ?—«Добрѣ створилъ еси,—отвѣчалъ лежащій на смертномъ одрѣ иконописецъ».—Богъ поможе тебѣ зѣло хытро написати, и се тобою самъ съдѣлалъ ю есть». Наступилъ вечеръ, и съ лучами солнца исчезъ таинственный

художникъ съ иконою.—А разстроенный закащикъ «всю нощь безъ сна пребысть отъ печали, понеже не бысть иконы на праздникъ, недостойна себѣ и грѣшна нарицая таковыя благодати». Ночь проходила, и начинался день; въ домѣ закащика еще спали, но самъ онъ «въставъ иде къ церкви, да тамо плачется своего съгрѣшенія. И отверзе дверь церкве и видѣ икону сіяющу на мѣстѣ своемъ, и паде отъ страха, мнѣвъ яко привидѣніе нѣкое явися ему. Възбнувъ же мало отъ страха (т. е. немного опомнившись), разумѣвъ яко икона есть» (въ Пат. Кіев. печ.: «мало возникъ, т. е. немного приподнявшись, разсмотрѣвъ, позна, яко икона его есть»). Объятый ужасомъ, съ трепетомъ онъ вспомнилъ слова Алимпія, что икона къ празднику Успенія будетъ готова, побѣжалъ и разбудилъ домашнихъ, которые съ радостью поспѣшили въ церковь «со свѣщами и кандилы и видѣвше икону сіяющу аки солнце (при восходѣ солнца лучи, вѣроятно, обливали ее свѣтомъ, отчего ея красота была замѣтнѣе). падоша ницъ на земли, поклонишася иконѣ и лобызаша съ веселіемъ душа». Послѣ того этотъ благочестивый человѣкъ пришелъ къ игумену и повѣдалъ о чудѣ съ иконою. Вмѣстѣ съ игуменомъ идутъ они къ Алимпію, но застаютъ его «уже отходящимъ свѣта сего». Все-таки игуменъ спросилъ: «Отче, како и кымъ написана бысть икона?» Св. Алимпій, разсказавъ о видѣніи имъ ангела 14-го августа,—прибавилъ: «Ангелъ написа ю, и се тойже предстоитъ, пояти мя хотя» [1]),—и съ этими словами скончался. Всю жизнь трудившемуся иконописцу—подвижнику и горній міръ, въ моментъ смерти, открылся видѣніемъ ангела, писавшаго «зѣло красную» икону. По выраженію церковной пѣсни, самъ св. Алимпій «въ мертвенномъ тѣлѣ во святыни безплотнымъ уподобися» (стихиры на хвалитехъ, слава). День его кончины 17-го августа, т. е. черезъ день послѣ праздника Успенія Богородицы. Изъ того, что при Всеволодѣ Ярославичѣ св. Алимпій былъ еще

[1]) Рук. Соф. библ. № 1321, л. 207 об.—208; Яковл., стр. CLXXIX—CLXXX.

Табл. I.



Алѵмпій писа вапи зракъ ст҃ыхъ, жизнь дѣлы
Образъ неѡписанный зритъ бж҃їѧ силы.

Фото-Лит. Н. С. Егорова
Лиговскій пер. 3

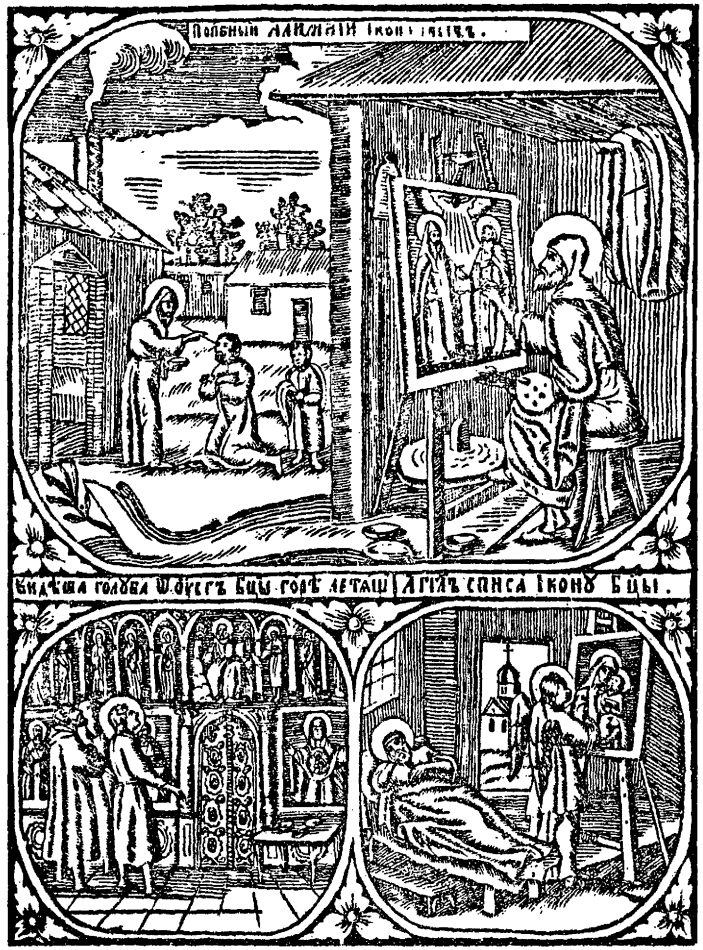


Фото-Лит. Н. С. Егорова
Тихвинскій пер. 3

въ возрастѣ отрочества,—слѣдовательно около 10 лѣтъ,—а умеръ, какъ полагаютъ [1]), 1114 года,—можно заключить, что онъ далеко не достигъ преклоннаго возраста. Тяжелые труды днемъ и ночью не могли не разрушить его организма, развивавшагося при неблагопріятныхъ условіяхъ монастырской жизни.

«Братія, тѣло его опрятавше, несоша въ церковь; обычное пѣніе надъ нимъ сотворше, положиша его честно въ пещерѣ съ преподобными отцы» [2]), въ пещерѣ преподобнаго Антонія, гдѣ почиваютъ мощи и учителей Алимпія—греческихъ иконописцевъ. У правой руки мощей его, почивающихъ открыто, «три первые перста сложены совершенно ровно, а два первые пригнуты къ ладони» (?),—говоритъ проф. А. И. Пономаревъ [3]).

Наружность и иконописный типъ преподобнаго Алимпія въ сводномъ подлинникѣ (подъ 17 августа) описывается такъ: «Подобіемъ мало сѣдъ, борода аки Сергіева, на конецъ уже, власы съ ушей свились, на плечахъ схима, ризы преподобническія, въ рукахъ держитъ образъ Пречистыя Богородицы съ превѣчнымъ младенцемъ Іисусомъ Христомъ» [4]). Въ такомъ же видѣ изображенъ св. Алимпій на гравюрѣ священника Иліи 1656 года въ Патерикѣ выхода того же года, только здѣсь св. Алимпій одною рукою (лѣвою) держитъ икону Богоматери, а другою пишетъ ее кистію. Мы прилагаемъ снимки: съ этой гравюры (см. табл. I) и съ гравюры изъ печатныхъ Патериковъ

---

[1]) Кіевскія пещеры и Кіево-Печерская лавра. Кіевъ 1864 г., стр. 45; Закревскій Н. Описаніе Кіева. М. 1868 г., т. II, стр. 639.

П. Сементовскаго. Кіевъ, его святыни, древности, достопамятности. Изд. 4-ое, Кіевъ 1871, стр. 160.

Н. Барсукова. Источники русской агіографіи. Спб. 1882, стр. 33; Русскій біографическій словарь, т. II, вып. I, Спб. 1898 г., стр. 56; проф. А. И. Пономаревъ въ Правосл. богосл. энцикл., стр. 538.

Въ Опытѣ же историческаго словаря о святыхъ мужахъ (М. 1784 г. стр. 18), въ Исторіи россійской іерархіи Амвросія (М. 1807 г., стр. 284), Памятникѣ вѣры (М. 1834 г., стр. 322) кончина преподобн. Алимпія отнесена даже къ XI вѣку.

[2]) Рук. № 1321, л. 208; Яковл., стр. CLXXX.

[3]) Стр. 539.

[4]) Сводный иконописный подлинникъ XVIII в. по списку и подъ ред. Г. Филимонова. М. 1874 г., стр. 422.

XVIII столѣтія (табл. II), а также съ изображеній св. Алимпія въ клеймѣ иконы XVII—XVIII в. Знаменіе Пресв. Богор. еже въ великомъ «Новѣградѣ», находящейся въ Ярославской церкви Ильи пророка (рис. 1) и на иконѣ 1814 года различныхъ русскихъ святыхъ музея Спб. Духовной Академіи (рис. 2).

Въ «Сказаніи о святыхъ иконописцахъ» читаемъ: «Преподобный священноинокъ отецъ Алимпій пресвитеръ, печерскій чудотворецъ, иконописецъ Кіевскій, многія чудныя иконы писалъ; и ангели Господни помогаху и писаху образы, яко ученицы его быша, и спрашиваxуся, аще угодно ли тако написашеся имъ; и въ кіевскихъ пещерахъ въ нетлѣніи и до днесь опочиваетъ, чудеса творя». Въ этомъ «Сказаніи» упоминается сотрудникъ св. Алимпія, «спостникъ» его,—«преподобный отецъ Григорій Печерскій, иконописецъ кіевскій,—много святыхъ иконъ написалъ чудотворныхъ, яже здѣ въ Россійской землѣ обрѣтаются, въ нетлѣніи въ пещерахъ опочиваетъ» [1]).

Мнѣніе, что св. Алимпій «распространялъ искусство иконописи между своими соотечественниками», весьма вѣроятно [2]).

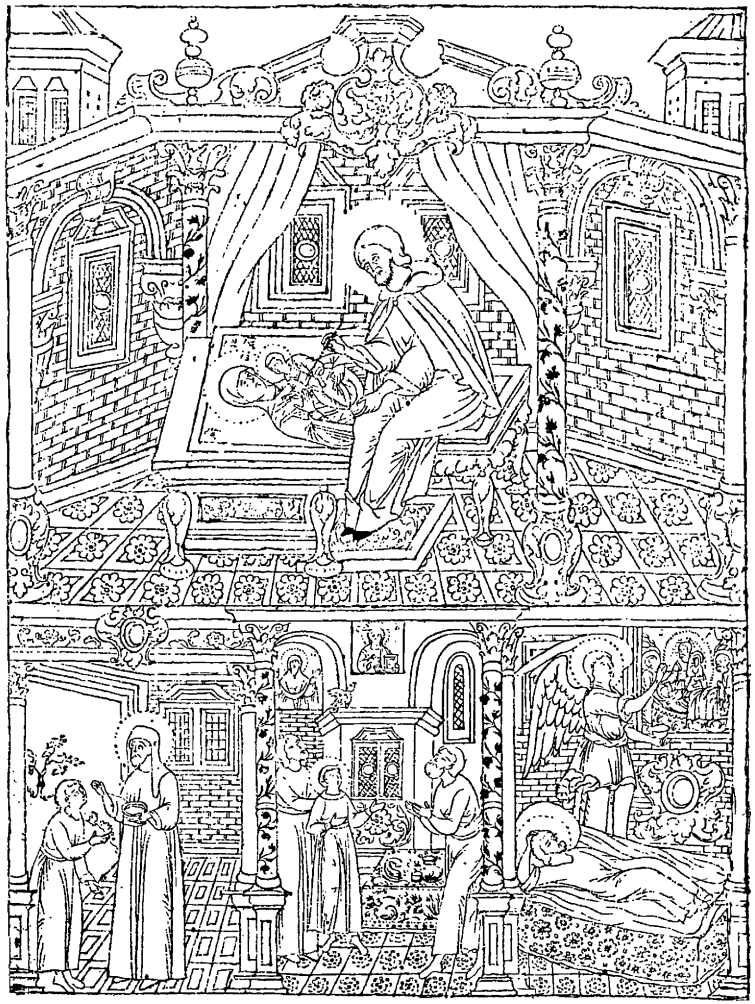
Указываютъ три иконы письма преподобнаго Алимпія—Владимірская икона Божіей Матери въ Ростовскомъ соборѣ, въ иконостасѣ по лѣвую сторону царскихъ вратъ, Свѣнская икона Б. М. въ Свѣнскомъ монастырѣ (въ 3 верстахъ отъ Брянска), и «Царь царемъ», или «Предста Царица», въ иконостасѣ Успенскаго собора въ Москвѣ. Впрочемъ, архіеп. Филаретъ, проф. А. И. Пономаревъ и др. [3]) указываютъ только

---

[1]) Буслаевъ Ѳ. И. Историческіе очерки русск. народн. словесности и искусства, т. II, Спб. 1861 г., стр. 379; ср. И. П. Сахарова. Исторія школъ иконописанія. Приложенія, стр. 13.

[2]) Указатель святыни и священныхъ достопамятностей Кіева. Изд. 5-е. Кіевъ 1871 г., стр. 100.

[3]) Филаретъ. Житія св. авг. 17; ср. проф. Пономарева стр. 539; Эристовъ. Словарь историч. о святыхъ. Изд. 2-ое, 1862 г., стр. 16—17; Ed. Dobbert въ Allgem. Künstler—Lex, herausgeg. von Dr Jul. Meyer., Leipz. 1872, I, 314.



Преподо́бныи о҆тцъ А҆лимѵпїи иже бе҆ѧ҆зды ико
ны к церькоа́мъ Писа́ше и бы́ть вра́чъ чх до тво́рь
ный и҆конопи́сны ми ва́пы за него́ же написа́шасѧ
неви́димо и҆ко́ны чю до тво́ръныѧ А҆нгглом

Рис. 1.

на двѣ иконы кисти св. Алимпія—икону Богоматери въ Ростовѣ и «Предста Царица»; архіепископъ же Анатолій, Сементовскій и др. [1])—только на одну—на «Предста Царица».

Ростовская икона,—какъ передаетъ Поликарпъ,—одна изъ семи чудесно написанныхъ иконъ для «христолюбиваго мужа», котораго такъ долго обманывали два печерскихъ монаха, и, слѣдовательно, въ собственномъ смыслѣ не есть произведеніе кисти кіевскаго иконописца. Ея исторія такова. «Волею Божіею отъ пожара изгорѣ Подоліе все и та церковь згорѣ, въ ней же бяху иконы тыя; 7 иконъ тѣхъ цѣлы, а церковь вся згорѣ». Владиміръ Мономахъ, услышавъ объ этомъ, «иде видѣти бывшаго тамъ чудеси, еже о иконахъ», и одну изъ нихъ—икону Богоматери послалъ въ городъ Ростовъ, «въ тамо сущую церковь, юже самъ създа, иже донынѣ стоитъ, ейже азъ самовидецъ быхъ»,—пишетъ Поликарпъ.

Рис. 2.

Дальнѣйшая исторія иконы Богоматери въ Ростовъ также полна чудесами. «Се же при мнѣ створися въ Ростовѣ,—разсказываетъ Поликарпъ,—церкви падшися, и та икона безвредна пребысть и внесена бысть въ древяную церковь, яже изгорѣ отъ пожара» (бывшаго, по свидѣтельству лѣтописей, въ 1160 году), «икона же та безвредна пребысть, ни знамени огненнаго на себѣ имущи» [2]), т. е. не обуглилась, не закоптилась. «Невреди-

[1]) Анатолій. О иконописаніи. Спб. 1867, стр. 15; Сементовскій. Кіевъ; стр. 160; Кіевскія пещеры и Кіево-Печерская лавра, Кіевъ 1864 г. стр. 45.

[2]) Рук. Соф. библ. № 1321, л; 207 об.; Яковлевъ, стр. CLXXIX.

мою сохранилась она и при пожарѣ 1213 г.» [1]) «Въ 1408 году въ Ростовѣ былъ опять ужасный пожаръ. Тогда крыша соборнаго храма растопилась, своды и главы пали внутрь его, пламень потребилъ иконы и утвари церковныя, но чудная икона не пострадала отъ огня» [2]).

«Въ 1695 году митрополитъ Іосафъ украсилъ ее драгоцѣнною серебряною ризою, по бокамъ которой семь черневыхъ изображеній съ надписями. Надъ шестымъ изображеніемъ надпись: «Князь Владиміръ Мономахъ сію св. икону посла во градъ Ростовъ въ построенную имъ каменную церковь»; надъ седьмымъ: «По времени же оная каменная церковь въ Ростовѣ падеся, святая же икона пребысть невредима, обрѣтена въ плинѳахъ» [3]). «Окладъ сребропозлащенный вокругъ образа устроенъ 1701 г. митрополитомъ Іосафомъ, что видно изъ надписи, въ которой икона сія названа Владимірскою» [4]).

Вотъ что разсказываетъ г. А. А. Титовъ о реставраціи ея въ началѣ XIX столѣтія извѣстнымъ въ то время иконописцемъ Петромъ Иван. Сапожниковымъ, крестьяниномъ Борисоглѣбской слободы: «Сапожниковъ долго не соглашался на приказаніе о. протоіерея переписать древнюю икону, опасаясь получить за то непріятность отъ ростовскихъ гражданъ и предлагалъ, если уже и дѣлать поновленія, то не за одинъ разъ, дабы это не было замѣчено, по свѣжести красокъ, ростовцами. О. прот. Гавріилъ однако приказалъ икону подновить за одинъ разъ, хотя бы только въ мѣстахъ, попортившихъ икону. Ростовцы, увидя это поновленіе, стали заявлять подозрѣніе о подмѣнѣ образа, и, еслибы не приложенная печать

---

[1]) Чтенія въ Импер. общ. исторіи и древн. россійск. при Моск. унив. 1847 г. № 2, стр. 22. Лавр. лѣт. (Спб. 1897 г.), стр. 333; Полн. Собр. русск. лѣт. т. 16 (Спб. 1889 г.), стр. 45.

[2]) Ярославскія Епарх. Вѣдомости 1860 г., стр. 177; ср. Древнія святыни Ростова, стр. 22; Чт. въ Имп. общ. ист. и др. 1847 г., № 2, стр. 22.

[3]) Русскій біографическій словарь, Спб. 1898 г., т. II, вып. 1-ый, стр. 56.

[4]) Чт. въ Общ. ист. и древн. росс. 1847 г. № 2, стр. 22, ср. Лѣтопись о ростовскихъ архіереяхъ, съ примѣчаніями А. А. Титова. Спб. 1890 г., стр. 14—15.

на заду доски, убѣдившая жителей въ подлинности иконы, о. протоіерею было бы надѣлано много непріятностей. Такъ горячо относились наши предки,—восклицаетъ по поводу этого случая г. Титовъ,—къ сохраненію дорогихъ для нихъ памятниковъ!»[1])— Но этотъ случай доказываетъ и то, что дорогіе памятники все-таки измѣнялись почти до неузнаваемости, такъ что можно было толковать о подлогѣ, замѣнѣ ихъ.— Въ 40-хъ годахъ XIX столѣтія Иванчинъ-Писаревъ объ этой иконѣ замѣчаетъ: «Она потемнѣла, частію отъ кадильнаго и свѣчнаго дыму, частію отъ дальнихъ хожденій съ нею въ разныя мѣста по древнему установленію, что и не даетъ разсмотрѣть, уцѣлѣла-ли эта древнѣйшая русская святыня отъ усердно смѣлой руки поддѣлывателя» [2]). Прилагаемый нами снимокъ съ нея (рис. 3) сдѣланъ въ августѣ текущаго года.

Рис. 3.

Приписываемая [3]) св. Алимпію икона Божіей Матери въ Свѣнскомъ монастырѣ представляетъ собою слѣдующее: «На золотомъ возвышенномъ тронѣ, который поставленъ на особомъ амвонѣ въ одну ступень, величественно возсѣдитъ Пресвятая

[1]) Описаніе Ростова Великаго М. 1891 г., стр. 40—41.
[2]) Спасо-Андроникова, М. 1842 г. стр. 82.
[3]) Ровинскій. Русскія народныя картинки. Т. IV. Спб. 181 г. стр. 696.

Дѣва Матерь Божія, коей правая стопа утверждается на особомъ маломъ камени, или подножіи, а лѣвая покоится на амвонѣ. На колѣнахъ Пречистыя Дѣвы при персяхъ возсѣдитъ Предвѣчный Младенецъ Господь нашъ Іисусъ Христосъ и благословляетъ десницею и шуицею, а Пречистая Богоматерь держитъ Божественнаго своего Сына обѣими руками по мѣсту Его опоясанія. По обѣимъ сторонамъ трона Владычицы на особыхъ возвышеніяхъ стоятъ—съ правой стороны преподобный отецъ нашъ Ѳеодосій, а по лѣвую сторону преподобный отецъ нашъ Антоній, печерскіе чудотворцы, оба со свитками въ рукахъ. На свиткѣ у преподобнаго Антонія написано: «Молю убо вы чада, держимся воздержанія и не лѣнимся. Имамы въ семъ Господа помощника». На свиткѣ у преподобнаго Ѳеодосія начертано: «Владыко Господи Боже Вседержителю, Творче всея твари видимыхъ и невидимыхъ, Своимъ смотрѣніемъ возгради домъ Пречистыя Твоея Матери мною рабомъ Твоимъ Ѳеодосіемъ, его же уверди недвижимо до дне суда Твоего страшнаго (на) хвалу и славословіе Тебѣ». Преподобный Антоній въ полной монашеской схимѣ, а преподобный Ѳеодосій изображенъ въ мантіи и епитрахили, безъ клобука, съ отрытой главой» [1]). Прилагаемъ снимокъ съ иконы Свѣнской Б. М. изъ музея Спб. Археол. Института № 116 (см. рис. 4) [2]).

Какъ значится въ монастырской описи, дска иконы липовая; она оклеена шелковою матеріею. Размѣръ иконы $15 \times 9^1/_2$ вершк. О перенесеніи ея изъ Кіева въ «Сказаніи о зачатіи Пресв. Влад. нашея Богородицы и Великихъ чудо-

---

[1]) Архим. Іероѳей. Брянскій Свѣнскій Успенскій монастырь, Орловской губ. М. 1866 г. стр. 8.

[2]) Проф. Н. П. Лихачевъ въ Обозрѣніи отдѣленія христіанскихъ древностей музея Александра III (Спб. 1898 г.), стр. 47—48, говоритъ: «Икона шестая съ краю. Образъ Б. М. Свѣнской, Богоматерь сидитъ на престолѣ, изукрашенномъ золотомъ, младенецъ Спаситель благословляетъ двуперстно». На какомъ основаніи проф. Лихачевъ эту композицію иконы Богоматери называетъ Свѣнскою? Впрочемъ, подобная композиція называется Свѣнскою и въ календарѣ 1815 года, а также въ Описаніи явленій чудотворныхъ иконъ Пресв. Богородицы, собранномъ Г. С. (т. е. Свѣшниковымъ), М. 1838 г., изображеніе 82-ое.

творцевъ Преп. Отецъ нашихъ Антонія и Ѳеодосія Печерскихъ Свѣнскаго монастыря во градѣ Брянскѣ,—пять поприщъ отъ града на низъ Десни рѣки»,—повѣствуется слѣдующее. Князь Черниговскій Романъ Михаиловичъ, находясь въ 1288 году въ Брянскѣ, лишился зрѣнія. Слыша исцѣленіяхъ совершаемыхъ отъ чудотворнаго образа Богоматери въ Печерскомъ монастырѣ, князь отправилъ туда милостыню съ просьбою прислать къ нему этотъ образъ. Архимандритъ Печерскій, «сотворивъ совѣтъ съ братіею», отпустилъ съ посланными священника съ чудотворною иконою. Онѣ плыли къ Брянску рѣкою Десною и, когда поравнялись съ устьемъ рѣки Свѣны,—«сталадія на единомъ мѣстѣ среди рѣки Десны, гребцы же не могуще прейти ни въ гору, ни внизъ»; но лишь только иноки съ иконою рѣшились направиться въ рѣку Свѣну, лодка немедленно поплыла. Принужденные провести ночь на правомъ берегу рѣки, они утромъ пошли къ лодкѣ помолиться передъ иконою, но тамъ ея не оказалось. «Посланныи же со дружиною начаша скорбѣти, и слезы изліяти, и начаша искати по горамъ, и по дебремъ и по пустыни. И пріѣхавше за Десну рѣку противъ Свини рѣки, и поидоша по горамъ, и обрѣтоша Пресвятыя Богородицы чудо-

Рис. 4.

творный образъ стоящъ на дубѣ велицѣмъ межи вѣтвами». Не дерзая снять иконы они рѣшились послать къ князю Роману съ извѣстіемъ о случившемся. Вѣстникъ засталъ его въ постели. «Услышавъ отъ вѣстника таковое чудо, князь великій, скоро воспрянувъ со одра своего, съ радостію великою, и пролія слезы, и повелѣ вскорѣ по всѣмъ Божіимъ церквамъ звонити по всему граду и собратися собору всему, епископу, и архимандритамъ, и игуменомъ, и священникомъ, и діаконамъ, и всему народу града того отъ мала и до велика и окрестъ всѣмъ людемъ живущимъ». Къ мѣсту, гдѣ находилась икона, направилась процессія «со свѣщами и съ кандилы». Недалеко отъ иконы князь въ горячей молитвѣ объ исцѣлѣніи далъ обѣтъ: «Елика и далѣ узрю съ мѣста сего на всѣ четыре страны, толико придамъ къ дому твоему и созижду, Госпоже, храмъ и обитель, идѣже ты возлюбила еси мѣсто...» Вдругъ глаза его, прежде ничего не видѣвшіе, открылись, и онъ увидѣлъ тропинку, на которой велѣлъ въ ту же минуту поставить крестъ. «И по ся времена, — замѣчаетъ составитель «Сказанія»,—на томъ мѣстѣ крестъ»... Пришли наконецъ къ тому мѣсту, гдѣ находилась икона. Князь долго и здѣсь молился предъ нею и, по силѣ молитвы, яснѣе и яснѣе становилось его зрѣніе, такъ что онъ увидѣлъ и икону. Епископъ, бывшій тогда во главѣ духовенства, снялъ ее и поднесъ къ князю, который лобызалъ ее со слезами благодарности и отслужилъ молебенъ Богоматери. «По отпѣніи же молебна, нача самъ князь великій Романъ Михаиловичъ своима рукама на храмъ Божій Пречистой Богородицы древа рубити и всѣмъ людемъ повелѣ такожде...» состроилъ церковь и монастырь. «И оттолѣ болѣй нача монастырь строитись, и чудотворную икону, украсивъ, обложилъ (князь) златомъ единымъ и сребромъ».

На этомъ окладѣ была сдѣлана надпись: «Въ лѣто 6796, а отъ Рождества Христова 1330 года, окладывана сія икона Благовѣрнымъ и Великимъ княземъ Романомъ Михаиловичемъ

Черниговскимъ и Благовѣрною Великою княгинею Настасіею, мѣсяца Сентября въ 26 день».

При Грозномъ былъ исправленъ окладъ этой иконы. «Многу же времени минувшу,—повѣствуется въ «Сказаніи»,— окладъ у чудотворнаго образа злато и сребро обломишася, и того-же монастыря Свинскаго игуменъ съ братіею возвѣстиша государю великому князю Ивану Васильевичу, всея Россіи самодержцу, съ моленіемъ великимъ, чтобы государь повелѣлъ окладъ у Пречистой Богородицы чудотворной передѣлати, а Государю тогда еще младу сущу, и вложи Пречистая Богородица государю въ сердце благую мысль... скоро государь повелѣ Пречистыя Богородицы чудотворный образъ принести къ себѣ во царствующій градъ Москву, и помолився государь Пресвятой Богородицѣ, вскорѣ повелѣ окладъ передѣлати. Еще же государь повелѣ злата и сребра и жемчугу и каменія драгаго прибавити къ старому окладу, и дѣлали мастера по три лѣта, и украсивъ государь чудотворный образъ Пресвятыя Богородицы и пѣвъ молебны, отпусти Пресвятыя Богородицы образъ чудотворной съ преподобными отцы Антоніемъ и Ѳеодосіемъ Печерскими чудотворцами въ монастырь Свинскій. Давъ же государь милостыню и ругу годовую и грамматы тарханныя на утвержденіе монастырю, и общее житіе повелѣ государь устроити старцу Іову Коминину по его челобитью».

О значеніи этой иконы и монастыря для населенія въ «Сказаніи» говорится: «И донынѣ великая милость и исцѣлѣнія бываютъ отъ чудотворнаго образа Пречистой Богородицы всѣмъ приходящимъ съ вѣрою. И множество плѣнныхъ отъ безбожныхъ избавляетъ и свобождаетъ; тіи же плѣнніи людіе, приходяще, молятся и работаютъ въ монастырѣ по обѣщанію, тако быть и до сего дня» [1]).

Что Грозный бралъ въ Москву Свѣнскую икону Божіей Матери, объ этомъ гласитъ также «надпись вязью, вычеканен-

[1]) Древняя Россійская Вивліоѳика. М. 1791 г. Изд. 2-ое, ч. XX, стр. 284 и слѣд.

ная на старой золотой ризѣ 1670 года», и книга вкладовъ, или кормовая, Свѣнскаго монастыря. Въ ней подъ 1583 г. сказано: «Приложилъ благочестивый государь царь къ чудотворному образу Пресвятыя Богородицы корону золоту съ каменьемъ и жемчуги да цату-жь золоту съ каменьемъ и жемчюги, да къ чудотворцемъ ко Антонію и Ѳеодосію двѣ цаты золоты съ каменьемъ и жемчюги» [1]).

Въ иконописномъ подлинникѣ,—рукоп. нашего собранія XVII вѣка,—въ перечнѣ иконъ Божіей Матери читаемъ: «Образъ Пресвятыя Богородицы Свинскія близъ града Брянска за три поприща явися благовѣрному князю Роману Михаиловичу и прозрѣніе очесемъ ему дарова въ лѣто 6796 августа въ 27 день. Онъ же на томъ мѣстѣ монастырь созда во имя ея и церковь постави, а везенъ былъ сей образъ исъ Кіева Свинѣю рѣкою старцами Печерскими князю на исцѣлѣніе и невидимо нощію на дубѣ обрѣтеся стоящъ. Зри въ полномъ ея сказаніи». Въ Сійскомъ иконописномъ подлинникѣ XVII же вѣка, рукоп. Архангельской дух. Семинаріи № 192, стр. 238, явленіе Свѣнской иконы Богоматери «во Брянску» относится также къ 6796 г.

Ни въ «Сказаніи», ни въ подлинникахъ нѣтъ упоминанія, что эта икона—произведеніе св. Алимпія.

Икона «Предста Царица», или «Царь царемъ», изображаетъ сидящаго на высокомъ престолѣ І. Христа въ священническихъ одеждахъ,—митрѣ, крестчатомъ (кресты въ кругахъ) саккосѣ и омофорѣ,—десницею Христосъ благословляетъ двуперстно, въ шуицѣ жезлъ съ перекладиною на верху, въ видѣ буквы Т. Подножіе у Господа кругъ въ четыреугольникѣ. Христу предстоятъ по правую сторону Богородица въ коронѣ и украшенной камнями одеждѣ; руки въ молебномъ положеніи. По лѣвую сторону Господа Іоаннъ Предтеча во власяницѣ, шуицею держитъ свитокъ (см. рис. 5).

---

[1]) Архим. Іероѳей, Брянскій Свѣнскій монастырь, стр. 10.

И. М. Снегиревъ въ «Памятникахъ Московской древности», говоритъ: «Образъ Предста Царица», или «Царь царемъ», писанъ, какъ увѣряетъ преданіе, св. Алимпіемъ чудотворцемъ, первымъ русскимъ иконописцемъ. Она украшена серебрянымъ вызолоченнымъ окладомъ и древними вѣнцами, убрусами и гривнами изъ золота съ каменьями и жемчугомъ, кои сохранились въ соборной ризницѣ 1812 года» [1]). Къ сожалѣнію, Снегиревъ не указываетъ источника, откуда онъ заимствовалъ объ этомъ преданіи. Въ изданныхъ въ началѣ текущаго столѣтія описаніяхъ замѣчательныхъ иконъ Успенскаго собора объ иконѣ «Предста Царица» не упоминается,—напримѣръ въ книгахъ: «Полный христіанскій мѣсяцесловъ. М. 1813 г.», стр. 296—297, «Описаніе монастырей въ Россійской Имперіи находящихся, изд. 4-е, М. 1817», стр. 161, «Путеводитель въ Москвѣ, изд. Сергѣемъ Глинкою, М. 1824», стр. 101 и слѣд. Но, какъ видно изъ картинъ избранія Михаила Ѳедоровича на царство, эта икона уже въ началѣ XVII вѣка находилась въ иконостасѣ Успенскаго собора. Въ началѣ же XVIII вѣка она переписана изографомъ Кирилломъ Улановымъ, какъ открылъ это поновлявшій иконопись собора въ 1851 году свободный художникъ Н. И. Подключниковъ. Въ подлинникахъ сводной редакціи читаемъ: «Есть Спасовъ образъ во архіерейстей одежди на престолѣ, и Богородица, *яко предста царица одесную,* и св. Іоаннъ Предтеча. Мѣстна, въ большомъ *Успенскомъ соборѣ* стоитъ близъ Успенія Пресвятыя Богородицы, юже начатъ писати преподобный Алимпій Печерскій; ангелъ Господень дописа и соверши ю. Чудеса быша» [2]).

Основная идея, господствующій мотивъ въ приписываемыхъ св. Алимпію изображеніяхъ—это величіе Богоматери; на Свѣнской иконѣ и на иконѣ «Предста Царица» Богоматерь является на тронѣ, увѣнчанною короною,—какъ царица. Эта

---

[1]) Памятники Московской древности. М. 1842 г., стр. 12.

[2]) Буслаевъ. Очерки, т. II, стр. 376.

идея, этотъ мотивъ господствуютъ и въ сказаніяхъ о Печерскомъ монастырѣ въ концѣ XI и началѣ XII вѣка,— вѣроятно, глубоко проникая и широко распространяясь въ міросозерцаніи иноковъ этого времени. Имъ Божія Матерь представлялась прежде всего царицею. Греки — каменьщики, явившіеся для постройки великой Печерской церкви, разсказываютъ имъ о слѣдующемъ видѣніи. Когда они спали, на восходѣ солнца, къ нимъ явились благообразные юноши съ приглашеніемъ» Зоветъ вы *царица* во Влахерну». Мастера отправились туда. «Видѣхомъ же царицу,— разсказываютъ они, —и множество вой окрестъ ея и поклонихомся ей, и та рече къ намъ: Хощу церковь себѣ возградити въ Россіи въ Кіевѣ; повелѣваю же вамъ, да возьмете злата себѣ на три лѣта и идите на возгражденіе ея. Мы же поклонившеся рѣхомъ: О, госпоже царице! въ чуждую страну отсылаеши насъ, къ кому тамо идемъ? Она же рече:

Рис. 5.

«*Се сихъ здѣ предстоящихъ посылаю Антонія и Ѳеодосія*». Царица дала мощи святыхъ для будущей церкви и «злата лишше потребы». Черезъ десять лѣтъ послѣ прибытія въ Кіевъ каменщиковъ являются въ Печерскій монастырь изъ Царяграда же иконописцы и также разсказываютъ о явленіи имъ Богоматери, какъ царицы, повелительницы. Нанятые чудеснымъ образомъ св. Антоніемъ и Ѳеодосіемъ, которые въ то время уже умерли, расписывать за извѣстную плату великую Печерскую церковь и получивши отъ нихъ задатокъ, греки—иконописцы ѣдутъ въ Кіевъ, но, при видѣ отъ Канева Печерской церкви, разгнѣвавшись «яко велика», хотятъ вернуться назадъ. На слѣдующую ночь, однако, на Днѣпрѣ разыгралась сильная буря, и къ утру ихъ лодка была уже близъ Триполя: въ одну ночь они проплыли разстояніе, которое другіе едва успѣваютъ проплыть въ три дня. Таинственная сила влекла лодку иконописцевъ противъ теченія, съ трудомъ они остановили ее и цѣлый день простояли на одномъ мѣстѣ. «Въ другую же нощь,—разсказывали они потомъ,—видѣхомъ въ видѣніи сію церковь и чудотворную икону намѣстную, глаголющую намъ: Человѣцы, что всуе мятетеся, не покаряющеся воли Сына моего и моей? Аще мене преслушаете и бѣжати вспять восхощете, вся вы вземши и съ вашею ладіею поставлю у церкви моея; и сіе да увѣсте, яко оттуду не изыдите, но ту въ монастырѣ моемъ постригшеся, и животъ свой скончаете, и азъ вамъ исходатайствую милость въ будущемъ вѣцѣ строителей сихъ ради Антонія и Ѳеодосія». Проснувшись, живописцы все-таки памѣрены вернуться: «и много потрудихомся,—повѣствуютъ они,—гребуще, но ладья горѣ идяше противу... Повинувшеся, волѣ и силѣ Божіей дахомся, и скоро подъ монастыремъ сама ладія приста»[1]).

---

[1]) Патерикъ Кіевск. печати л. 104 и слѣд., 108 и слѣд. Проф. Пономаревъ выраженіе Поликарпа: «Греческіе писцы приведени быша нужею» понимаетъ въ томъ смыслѣ: «*по нуждѣ*, по необходимости, за неимѣніемъ своихъ». (Правосл. энцикл., стр. 537). Не вѣрнѣе-ли понимать такъ; по принужденію свыше, а не по своей волѣ? Въ печатныхъ Кіевскихъ

Слушая эти разсказы своихъ учителей—греческихъ мастеровъ, довѣрчивый и впечатлительный отрокъ Алимпій не могъ не проникаться чувствомъ благоговѣнія къ Царицѣ Небесной, принимающей съ Антоніемъ и Ѳеодосіемъ Печерскими такое участіе въ судьбѣ Печерской обители.

Самъ Алимпій, по сказанію Поликарпа, въ юности былъ свидѣтелемъ чуда, въ которомъ нельзя было не преклониться предъ величіемъ Богоматери.

Когда греческіе мастера клали мозаику въ алтарѣ и Алимпій помогалъ имъ,—«образъ Пречистѣй Богородицы самъ вообразися. И видѣвши вси дивное и страшное чюдо, зрящимъ имъ на образъ, се внезапу просвѣтися образъ Владычицы нашея Богородицы и Приснодѣвы Маріи паче солнца, и, не могуще зрѣти, падоша ниць ужасни и, мало възникши, хотяху видѣти бывшее чюдо: и се изъ устъ Пречистыя Богоматере излетѣ голубь бѣлъ и летяше горѣ, къ образу Спасову, и тамъ скрыся. Сіа же вси смотряху, аще изъ церкви излетѣлъ есть, и всѣмъ зрящимъ, пакы голубь излетѣ отъ устъ Спасовыхъ и летяше по всей церкви и къ коемуждо святому прилетая, овому на руцѣ сѣдая, иному же на главѣ, слетѣвъ же долу, сѣдѣ за иконою чюдною Богородичною намѣстною. Долу же стоящии хотѣша яти голубь и приставиша лѣстницу: и се не обрѣтеся за иконою, ни за завѣсою. Смотривъ же всюду, и не вѣдяху, гдѣ скрыся голубь. И стояху вси зряще къ иконѣ, и се пакы предъ ними излетѣ голубь изъ устъ Богородичинъ и идяше на высоту къ образу Спасову, и возопиша горѣ стоящимъ: Имѣте и. Они же простроша рукы, хотяху яти его, голубь же пакы влетѣ во уста Спасова, отнюдуже изыде; и се пакы свѣтъ паче солнца осія тѣхъ, изимая зракы человѣческыя. Сіи же падоша ниць и поклонишася Господеви» [1]).

Патерикахъ помѣщается гравюра—«Пришествіе иконописцевъ изъ Цариграда въ Монастырь Печерскій, како силою Божіею *понуждени* приплыша». (Снимокъ съ этой гравюры см. на стр. 1-ой).

[1]) Рук. Соф. библ. № 1321, л. 206, Яковлевъ, стр. CLXXV.

Какими бы причинами ни объяснялось это чудо, оно, во всякомъ случаѣ, должно было произвести сильное впечатлѣніе на юную душу Алимпія. По словамъ церковныхъ пѣсней, онъ, «видѣвъ образъ Владычицы изображенъ нерукотвореннѣ» и Того, «иже чудеса дѣйствоваше, облетающа во образѣ голубиномъ внутри церкви,—большею любовію къ Богомыслію разгорѣвся, вся презрѣ и ничтоже въ мірѣ возлюби паче Господа» (канонъ, тропари 1-й и 3-й пѣсни). Заключенный съ дней дѣтства въ мрачныя подземелья и стѣны Печерской обители, вдали отъ мірскихъ увлеченій и удовольствій, онъ всѣми силами своей дѣвственной души привязался къ Пренепорочной Дѣвѣ и величіе ея представлялъ въ произведеніяхъ своего художественнаго творчества. Подобно первому христіанскому иконописцу—евангелисту Лукѣ, первый русскій иконописецъ посвятилъ свою художественную дѣятельность преимущественно на иконы Богоматери. «Неописанныя славы Божія желаніемъ распалився,—поется ему въ стихирѣ (на Господи воззвахъ),—написовалъ еси шарами благихъ дѣяній на скрижаляхъ сердца своего зракъ непрестанныя любве къ Пречистой Богоматери, ейже художествомъ твоимъ послуживъ, чудотворныя благодати сподобился»... Царица Небесная для св. Алимпія была и царицею его сердца. По тому-то, вѣроятно, согласно подлиннику, св. Алимпій изображается съ иконою Богоматери.

Въ частности, что касается до Владимірской иконы Богоматери Ростовскаго собора, то композиція ея была распространена въ XII вѣкѣ: тогда привезена изъ Константинополя Владимірская же икона Богоматери, находящаяся теперь въ Успенскомъ соборѣ въ Москвѣ.—Свѣнская икона Богоматери въ сущности есть изображеніе видѣнія грековъ—каменщиковъ: Богоматерь—царица на тронѣ съ предстоящими святыми печерскими Антоніемъ и Ѳеодосіемъ. Изображеніе этихъ преподобныхъ,—по сообщенію Патерика,—имѣлись въ Печерскомъ монастырѣ еще до прибытія сюда грековъ—иконописцевъ и были показаны имъ,—тѣмъ легче для св. Алимпія было со-

ставить композицію Свѣнской иконы.—Выборъ надписи на хартіи у преподобнаго Антонія соотвѣтствуетъ характеру св. Алимпія. По сводному подлиннику, въ свиткѣ Антонія Печерскаго (подъ 10 іюля) слѣдуетъ писать: «Се удалихся бѣгая и водворихся въ пустыни. Господи утверди мя», и т. д. На Свѣнской же иконѣ преп. Антоній въ свиткѣ заповѣдуетъ трудолюбіе,—завѣтъ, исполняемый пр. Алимпіемъ въ продолженіе всей жизни.—Икона «Предста Царица», или «Царь царемъ», является видоизмѣненіемъ обычной композиціи изображенія Господа Вседержителя,—здѣсь лишь указывается царское достоинство не только Іисуса Христа, но и Богоматери, согласно словамъ псалма 44-го: «Предста царица одесную тебе, въ ризы позлащены одѣяна, преукрашена» (ст. 10).

«Предста Царица одесную Тебе»—эта композиція,—говоритъ Н. В. Покровскій,—насколько намъ извѣстно, появилась въ русскомъ искусствѣ едва-ли не въ XVII вѣкѣ» [1]). Но при распространенномъ у печерскихъ иноковъ въ концѣ XI и началѣ XII вѣка представленіи о Божіей Матери, какъ царицѣ, св. Алимпій естественно могъ воспользоваться обычною композиціей изображенія Господа Вседержителя, съ незначительнымъ ея измѣненіемъ.—Сравнительно юный ликъ Богоматери и греческіе типы всѣхъ ликовъ на иконѣ «Предста Царица» располагаютъ къ предположенію о происхожденіи этой иконы въ древнѣйшую эпоху русскаго искусства, когда лики съ греческихъ образцовъ иконописи заимствовались почти безъ измѣненія. Въ Новгородскомъ Софійскомъ соборѣ, въ главномъ иконостасѣ, «рядомъ съ сѣверными алтарными, находится икона *Предста Царица*, или *Царь царемъ*, XIV в.,—возобновлена въ 1701 году» [2]). Въ XVII вѣкѣ эта композиція была распространена, хотя и служила иногда предметомъ спора. Вотъ что разсказываетъ Игнатій, митрополитъ Сибирскій и Тобольскій, въ своемъ треть-

---

[1]) Сійскій иконописный подлинникъ. Вып. III. Спб. 1897, стр. 140.

[2]) Свящ. А. Конкординъ. Описаніе Новгородскаго каѳедр. Софійскаго собора. Новгородъ. 1901 г., стр. 21—22.

емъ посланіи. «Однажды заказалъ онъ иконописцу написать образъ, называемый *Предста Царица одесную тебе...* Иконописецъ написалъ подобіе святой иконы, какъ она пишется: Спасителевъ образъ на престолѣ, въ видѣ великаго архіерея; Пресвятой же Богородицы образъ въ царскихъ одѣяніяхъ и въ вѣнцѣ, какъ царицы неба и земли, и прочее подобіе образа того. Увидѣвъ же Капитонъ Колесниковъ (раскольникъ) Пречистую Богородицу написану въ царскихъ одеждахъ, началъ, будучи невѣжда, похулять иконописца, говоря: Зачѣмъ написалъ ты Пресвятую Богородицу какъ царицу? На Пресвятой Богородицѣ царской багряницы никогда не бывало» [1]).

Такимъ образомъ, иконы, приписываемыя кисти св. Алимпія, по своимъ сюжетамъ, композиціямъ и нѣкоторымъ деталямъ, соотвѣтствуютъ эпохѣ XI—XII вѣка и житію этого святаго.

Разсказъ Поликарпа, что Владимірская икона была взята Владиміромъ Мономахомъ послѣ пожара церкви, гдѣ она находилась, отчасти подтверждается лѣтописными сказаніями. Въ нихъ сообщается о пожарахъ въ Кіевѣ 1124 года въ іюнѣ, когда выгорѣлъ чуть не весь городъ,—на одномъ Подолѣ сгорѣло 600 или 700 церквей,—и въ слѣдующемъ году, когда выгорѣла нагорная сторона, всѣ монастыри и жидовская улица [2]). Владиміръ Мономахъ въ лѣтописяхъ изображается любителемъ благолѣпія церковнаго,—«церкви зижа и украшая»; «егда же въ церковь внидяшеть и слыша пѣнье, и абіе слезы испущашеть»,—т. е. не могъ слышать безъ слезъ пѣнія церковнаго.

Въ «Сказаніи» о Свѣнской иконѣ характеръ князя Романа Михаиловича обрисованъ весьма правдоподобно. Несомнѣнно, что Романъ Михаиловичъ, сынъ св. Михаила Черниговскаго, подобно отцу своему и сыну Олегу (въ монашествѣ

---

[1]) Православный Собесѣдникъ за 1855 г. кн. 2-ая, стр. 99; ср. Буслаева. Очерки, т. II, стр. 322—323.

[2]) Лѣт. по лавр. списку, Спб. 1897 г., стр. 278; Новгородскія лѣтописи, Спб. 1879 г., стр. 5; ср. Евг. Болховитинова. Описаніе Кіево-Софійскаго собора и Кіевской іерархіи. Кіевъ 1825 г., стр. 75.

Леонтій), причисленымъ къ лику святыхъ [1]), отличался благочестіемъ. «Въ Корочевской Преображенской церкви на иконѣ Печерскія Божія Матери подпись: «6795 (1284) окладывана икона благовѣрнымъ княземъ великимъ Романомъ Михаиловичемъ и благовѣрною княгинею Анастасіи мѣсяца сен. 25 день». Такъ писано Орловской консисторіи 1801 года на вопросъ, гдѣ есть въ монастыряхъ или церквахъ иконостасовъ и образовъ патріаршихъ или царскихъ» [2]).—Можетъ быть, въ виду принадлежности св. Алимпію Свѣнской иконы, празднованіе ей указывается [3]) въ день его кончины, 17 августа.

Но если бы иконы, приписываемыя св. Алимпію, и дѣйствительно были его произведеніями, то, конечно, съ теченіемъ времени подверглись измѣненіямъ при реставраціяхъ. Вслѣдствіе обычной въ старину склонности къ поновленію иконъ, при похвальной заботливости о благолѣпіи, икона могла измѣниться до неузнаваемости. На икону смотрѣли, какъ на художественное произведеніе важное не потому, что оно передаетъ индивидуальныя особенности творчества художника, но потому, что въ ней выражается религіозная и церковная идея, безъ отношенія къ личности мастера; и съ этой точки зрѣнія, не казалось предосудительнымъ для иконописцевъ исправлять, дополнять иконы даже кисти великихъ мастеровъ. Поновлять старыя иконы повелѣно еще въ каноническихъ отвѣтахъ митрополита Іоанна II (1080—1089 г.) и въ постановленіяхъ Стоглаваго собора.

Въ «Памятникѣ событій въ церкви и отечествѣ, сочиненномъ Я. Орловымъ,—ч. 3-ья Спб. 1816 г.»—читаемъ: «Сему святому (Алимпію) приписываютъ Каппоновы доски, на коихъ по порядку дней всего года представлены лица святыхъ греческой церкви. О сихъ пяти доскахъ сказываютъ, что одинъ грекъ Ѳока получилъ оныя отъ Петра Великаго. Маркизъ

---

[1]) Преосвящ. Филаретъ, Русскіе святые, Черниговъ, 1865 г., стр. 121; Лѣтопись занятій археографической коммиссіи 1882—1884 г., вып. 3-й, Спб. 1893 г., стр. 84—85.

[2]) Рукописи покойнаго И. П. Сахарова въ нашемъ собраніи.

[3]) Г. С. Описаніе явленій чудотворныхъ иконъ Пресвятыя Богородицы. Стр. 23.

Каппони купилъ оныя за 300 червонныхъ» (стр. 230—232). Но, какъ извѣстно, Каппоніевы доски, судя по надписямъ на нихъ именъ иконописцевъ, относятся къ XVII вѣку.

Составитель книги—«Кіевскія пещеры и Кіево-Печерская лавра» (Кіевъ. 1864 г., стр. 45), а за нимъ Сементовскій [1]), Собко пишутъ [2]), что въ 1200 году въ храмѣ св. Софіи въ Константинополѣ находилась икона св. Бориса и Глѣба работы св. Алимпія. Но откуда это извѣстно? Въ «Путешествіи новгородскаго архіепископа Антонія въ Царьградъ въ концѣ 12-го столѣтія» [3]) сказано только: «Поставлена (во святѣй Софіи) икона великая святыхъ Бориса и Глѣба; и ту имѣютъ писцы»,—вѣроятно, она служила греческимъ иконописцамъ образцомъ, подлинникомъ для изображенія этихъ русскихъ святыхъ.

Непзвѣстный авторъ статьи о св. Алимпіи въ «Школѣ рисованія» за 1858 годъ дѣлаетъ такую оцѣнку художественныхъ произведеній перваго русскаго иконописца: «До нашихъ временъ мало дошло трудовъ Алимпія, но образъ Богоматери, находящійся въ Ростовскомъ соборѣ, много говоритъ въ пользу сего трудолюбиваго художника. Рисунокъ довольно правиленъ, если же есть недостатки въ контурѣ, то тщательная отдѣлка въ тушеваніи (?) лицъ и одежды выкупаетъ заслуженную извѣстность Алимпія; въ особенности если принять въ соображеніе, что на Востокѣ въ XI вѣкѣ искусство было въ возрожденіи, а на Западѣ первый художникъ (?) Чимабуэ появился только въ XIII вѣкѣ; слѣдовательно, въ то время не было руководствъ къ рисованію и живописи, а можетъ быть и необходимыхъ матеріаловъ. Образъ, видѣнный нами въ Ростовѣ, писанъ на яичномъ желткѣ, контуръ сдѣланъ прорѣзью тупой иглы по левкасу, въ томъ родѣ, въ какомъ въ настоящее время пишутъ иконописцы, съ тою только разницею, что

---

[1]) Кіевъ и его святыня, стр. 160.

[2]) Словарь русскихъ художниковъ, т. 1, в. 1, стр. 125.

[3]) По изданію археографической коммиссіи (Спб. 1872 г.) стр. 79.

форма рисунка вѣрнѣе, чѣмъ у современныхъ намъ выученниковъ Суздаля, что имъ совершенно непростительно [1])».—Вѣроятно, эта оцѣнка сдѣлана учителемъ рисованія, до педантизма привязаннымъ къ правильности рисунка и тушовки, съ горячею вѣрою въ силу руководствъ рисованія.

«По отдаленности времени,—справедливо замѣчаетъ г. П. Н. Петровъ,—мы теперь не можемъ указать подлинно произведеній св. Алимпія и должны, конечно, только гадательно предположить, что, учась у византійцевъ, онъ занялъ у нихъ всѣ пріемы, а стало быть работалъ въ томъ стилѣ, который впослѣдствіи стали называть корсунскимъ или греческимъ» [2]). Для характеристики произведеній св. Алимпія должны служить памятники иконописанія византійско-русскаго происхожденія XI—XII столѣтія.

Съ другой стороны, если св. Алимпій способенъ былъ являться учителемъ братіи и мірянъ, объясняя, на основаніи слова Божія, интересующія ихъ событія, то, безспорно, могъ и въ искусствѣ выражать идеи, волновавшія его и современниковъ. Дѣйствительно, судя по приписываемымъ ему иконамъ, въ нихъ отразились идеалы если не всего русскаго государства, которое тогда еще не объединилось, то перваго русскаго монастыря. На иконахъ являются изображенія русскихъ людей: св. Антонія и Ѳеодосія Печерскихъ, съ русскими типичными бородами. Да, св. Алимпій—русскій художникъ!

Слѣдовательно, еще въ XII вѣкѣ народилось въ Россіи національное искусство. Но надъ нею собиралась гроза—монгольское иго,—едва не уничтожившая не только русское искусство, но и самую русскую народность.

---

[1]) № 1, стр. 2.

[2]) Сѣверное Сіяніе 1864 г., т. 3-й, стр. 202.

АНДРЕЙ РУБЛЕВЪ.

СВѢДѢНІЯ о жизни Андрея Рублева весьма скудны. «Званіе и родина его неизвѣстны; но можно предполагать,— говоритъ И. М. Снегиревъ,—что онъ псковичъ; а какъ это храмовое художество (иконопись) считалось почетнымъ, и художники наравнѣ съ царскимъ синклитомъ и прочими благородными пользовались уваженіемъ (Акты Археогр. эксп. IV, № 174), то, можетъ статься, и Рублевъ былъ боярскимъ сыномъ; ибо въ числѣ пословъ изъ Пскова къ Іоанну III 1486 года былъ бояринъ Андрей Семеновичъ Рублевъ (Псковская лѣтоп. 168). Кромѣ того Москва заимствовала изъ Пскова зодчихъ, строившихъ соборы: Благовѣщенскій въ Москвѣ и Троицкій въ

Сергіевской обители» [1]). Рублевъ былъ ученикомъ своего «спостника» Даніила Чернаго. Въ одномъ изъ подлинниковъ о Рублевѣ говорится: «А преже живяше въ послушаніи у преподобнаго Никона Радонежскаго. Онъ повелѣ при себѣ [2]) образъ написати Пресв. Троицы, въ похвалу отцу своему, св. Сергію Чудотворцу» [3]). Приглашенный вмѣстѣ съ Даніиломъ въ Московскій Андроникова монастырь игуменомъ его Александромъ для исполненія иконописныхъ работъ, Андрей былъ инокомъ этого монастыря. Іеромонахъ Арсеній въ «Историческихъ свѣдѣніяхъ объ иконописаніи въ Троицкой Сергіевой лаврѣ» пишетъ: «Нѣкоторые ученые, занимавшіеся изслѣдованіемъ о русскомъ иконописаніи, именно: гг. Ровинскій (Зап. Арх. Общ. 7, VIII, стр. 177) и Буслаевъ (Сбор. Общ. древнерусск. искусс. на 1866 г., стр. 8), а также К. Тихонравовъ (Владимір. Сбор. прим. на стр. 28) и другіе, на основаніи подлинниковъ, считаютъ вышедшимъ изъ школы преп. Сергія знаменитаго иконописца инока Андрея Рублева; но изъ житій преп. Сергія и Никона, Софійскаго временника и свидѣтельства преп. Іосифа Волоколамскаго видно, что онъ былъ монахомъ Спасо-Андроникова монастыря, въ которомъ и скончался около 1427 года» [4]). Съ другой стороны онъ могъ быть инокомъ Сергіево-Троицкаго монастыря до поступленія въ монастырь Спасо-Андрониковъ. Въ Москвѣ Андрею пришлось работать вмѣстѣ съ прибывшимъ сюда изъ Новгорода грекомъ Ѳеофаномъ, котораго современники прозвали философомъ, и, конечно, не безъ основанія. Это былъ опытный мастеръ своего дѣла. Въ 1378 г. Ѳеофанъ росписывалъ Спасскую церковь на

---

[1]) Древности Россійскаго государства. Отд. 1, М. 1849 г., стр. 24—25.

[2]) Вѣроятно, на основаніи этого Снегиревъ говоритъ, что Рублевъ, «пребывая въ послушаніи у препод. Никона, въ его присутствіи, изобразилъ ликъ (?) Пресвятой Троицы» (Древности Рос. госуд. Отд. 1, XXVIII). Но выраженіе «при себѣ» можетъ означать не «въ присутствіи» св. Никона, но при его жизни.

[3]) Буслаевъ, Очерки, II, стр. 379.

[4]) Сборникъ общества древне-русскаго искусства на 1873 г., стр. 119.

Оумоле́ни бы́ша ѿ него чю́днїи добро
дѣ́телнїи ста́рцы и живописцы.
Да́нилъ и андрѣ́я пре помя́нутыи
присно дх҃овно бра́ство и любо́вь ксе́бѣ
велику стяжа́вше. и я́ко оукраси́ша
по писа́нїемъ цр҃ковь сїю. в ко
не́цъ своего бг҃о оуго
днаго жи́тїя
бл҃же
нна
го:

Рис. 6.

Ильинской улицѣ въ Новгородѣ [1]); въ Москвѣ въ 1395 г. [2]) съ Симеономъ Чернымъ церковь Рождества Богородицы, въ 1399 г. Архангельскій соборъ [3]) (см. таблицу № III, снимокъ съ миніатюры Остермановскаго лѣтописца XVII в., ркп. Академіи Наукъ № 31. 7. 30, стр. 1212), въ 1405 г. Благовѣщенскій соборъ. «Тое же весны,—читаемъ въ лѣтописи,—начаша подписывати церковь каменную св. Благовѣщенія на князя великаго дворѣ, не ту, иже нынѣ стоитъ; а мастеры бяху Ѳеофанъ иконникъ гречинъ, да Прохоръ старецъ съ Городца, да чернецъ Андрей Рублевъ» [4]). Въ 1408 г. вмѣстѣ съ Даніиломъ Андрей работалъ во Владимірѣ: «Мая начата бысть подписывати великая и соборная церкви Пречистаа Володимерьская, повелѣніемъ великаго князя Василія Дмитріевича; а мастеры Данило иконникъ, да Ондрей Рублевъ» [5]). Св. Никонъ Радонежскій,—разсказывается въ лѣтописи,—незадолго до своей кончины, «побѣждаемъ великимъ желаніемъ, вѣрою и въ семъ пребывая непреложенъ, еже узрѣти своими очима церковь свръшену и симъ украшену, сбираетъ скоро живописцы, Даніилъ именемъ и Андрей,—спостникъ его,—и нѣкихъ съ ними: спѣшно бо сіе творяше дѣло, яко нѣчто провидѣ духомъ вскорѣ духовныхъ онѣхъ мужей и живописцевъ отъ житія сего и свое представленіе, еже по малѣ и по совершеніи дѣла бысть; но убо Богу помогающу скончати дѣло преподобнаго, абіе касаются ему усердно и вельми различными подписаньми чудныхъ удобрѣвше ту, могуще зрящихъ удивити всѣхъ и до нынѣ. Конечное се рукодѣліе и память себѣ преподобніи оставльше, по семъ мало пребывше, абіе смиренный Андрей оставль сію жизнь ко Господу отыде» [6]). Преподобный Никонъ, такимъ образомъ, старался, чтобы

---

[1]) Новгородскія лѣтописи. Спб. 1879 г. стр. 243; Кн. Степенная, I, 512.

[2]) Полное собраніе русскихъ лѣтописей, т. XI, Спб. 1897 г., стр. 157.

[3]) Ibid. стр. 172.

[4]) Никон. III, 257; Соф. врем. I, 405.

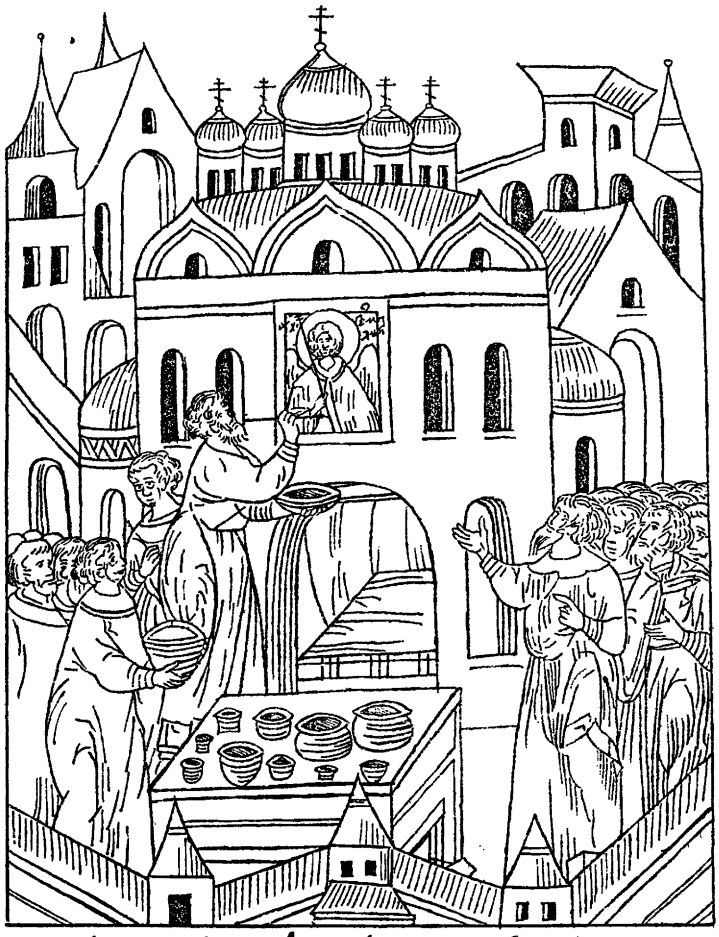
[5]) Полное собр. лѣтоп. т. V, стр. 257; ср. Полн. Собр. рус. лѣт. т. VIII, стр. 81—82.

[6]) Полн. собр. лѣт. т. VI, стр. 138.

Нѣ́кто́ ѝ́ноко́ Ѳеодо́ръ ѝ́менемъ
Ѳеодо́ръ Ѳеодо́ровъ сы́нъ Ка́ча
ло́въ ѝ́ноко́ Ѳеодо́ръ

Андрей и Даніилъ скорѣе росписали выстроенную имъ церковь, какъ бы изъ опасенія, что эти выдающіеся иконописцы умрутъ, не оставивъ здѣсь памятниковъ своего художественнаго творчества. Въ житіи препод. Никона говорится: «Умолени быша отъ него чюдніи добродѣтельніи старцы и живописцы Данилъ и Андрѣя предпомянутый». Отсюда можно видѣть, что преподобному Никону пришлось «умолять», упрашивать Андрея и Даніила, которые, можетъ быть, не сразу согласились взяться за росписаніе Троицкаго собора въ виду своего преклоннаго возраста. Роспись Троицкаго собора была «конечнымъ рукодѣліемъ» Андрея, вѣроятно, для лавры: послѣ этой росписи, — какъ говорится въ житіи преподобнаго Никона въ Макарьевскихъ Минеяхъ и въ изд. 1647 г., —Андрей съ Даніиломъ «абіе отходятъ въ одинъ отъ монастырей Богомъ спасаемаго града Москвы, Андрониковъ именуемъ, и тамо церковь во имя Всемилостиваго Спаса такожде подписанми украсивше, послѣднее рукописаніе на память себѣ оставиша. И мало пребывъ смиренный Андрей, оставль сію жизнь, ко Господу отыде, таже и спосникъ его Даніилъ, оба добрѣ пожиста и въ старости велицѣ быста, благій конецъ пріяша».

Въ рукописяхъ XVI—XVII вѣка есть миніатюры, изображающія различные моменты изъ жизни Рублева. Такъ въ Остермановскомъ лѣтописцѣ,—стр. 1442,—изображено, какъ Рублевъ съ Даніиломъ расписываютъ Успенскій соборъ во Владимірѣ (см. табл. IV). Въ Житіи преп. Сергія,—рукоп. Сергіево-Троицкой лавры,—издано литографически въ 1853 г.,—имѣются изображенія, какъ преп. Никонъ приглашаетъ Рублева и Даніила для росписи Троицкаго собора, который потомъ они и расписываютъ (рис. 6), какъ игуменъ Александръ является къ Андрею съ приглашеніемъ расписывать церковь Спаса въ Андроніковѣ монастырѣ (рис. 7), работу Андрея здѣсь (рис. 8) и погребеніе (рис. 9 и 10). Миніатюристъ былъ, кажется, недостаточно знакомъ съ текстомъ Житія и вслѣдствіе этого изобразилъ погребеніе Андрея и Даніила въ двухъ монастыряхъ,



Тогожелѣта подписана бысть на мо
сквѣ цркви камена стго
архистратига
михаила. а
мастеръ
фоѳанъ
гре
къ

Фото-Лит. Н. С. Егорова С.П.Б.
Лисовскій пер. 3.

Тоѣ же весны мц҃а мая . начата бы҃ по
писывати великая соборная цр҃ковь
пр҃чтыя бц҃ы владимерская по ве
лѣнїемъ великого кн҃зя василїа дми
треевича . а мастеры бы ша дани
лѡи конникъ . да андрѣи роубль :

Фото-Лит. Н. С. Егорова С.П.Б.
Лиговскій пер. 3

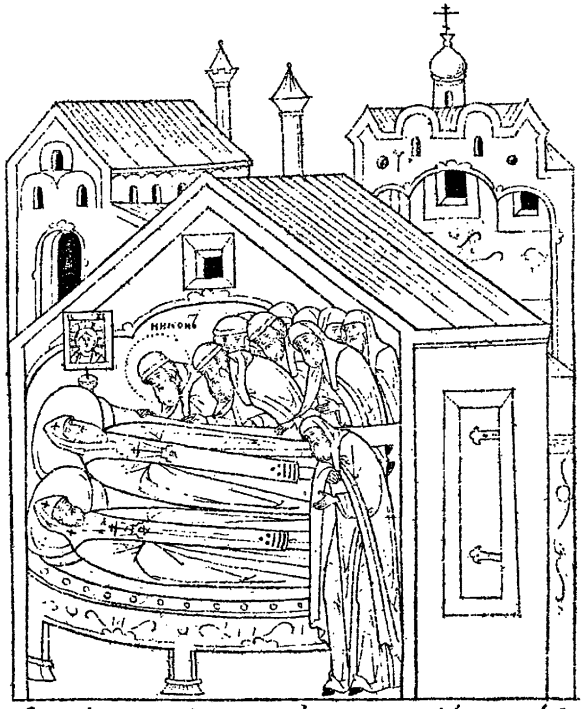
И подъписаніемъ чюдныи своимароу
кама оукрасиша вппа
мѧтьѡцъ свои. е
и до нинѣ всѣми
зритсѧ въсла
воу, хоу
бо
г
о
у

Рис. 8.

въ Троицкомъ, гдѣ надъ усопшими молится преп. Никонъ, и въ Андроникове, гдѣ съ Андреемъ фигурируетъ, вмѣсто Даніила, нѣкто Ефремъ,—вѣроятно, тотъ самый, о которомъ въ Житіи повѣствуется, что онъ былъ исцѣленъ отъ бѣса блуднаго (л. 226 об.). Въ Житіи препод. Сергія — рукоп. второй половины XVII в. Академіи Наукъ № 34. 3. 4 представлено приглашеніе Александромъ Рублева въ Андрониковъ монастырь (см. табл. V) и его работа здѣсь (табл. VI). Судя по этимъ миніатюрамъ Андрей былъ роста средняго или даже выше, съ небольшою окладистою бородою.

Какъ грекъ Ѳеофанъ назывался философомъ, такъ и объ Андреѣ въ житіи преп. Сергія сказано: «Андрей иконописецъ преизрядный, всѣхъ превосходящъ въ мудрости зѣльнѣ и сѣдины честны имѣя», т. е. не только выдающійся художникъ, но и человѣкъ необычайнаго ума и опытности. Въ отношеніи нравственныхъ качествъ Андрей съ Даніиломъ—«мужіе изрядны вельми, всѣхъ превосходящи, въ добродѣтели свершени»[1]). Рублевъ вѣрный хранитель монашескихъ обѣтовъ, замѣчательный постникъ. Не удовлетворяясь прозою окружающей дѣйствительности, онъ любилъ переноситься мыслію къ небесному, божественному. Это была глубоко поэтическая душа, страстно преданная искусству, со взглядомъ на иконопись, какъ на дѣло богоугодное, спасительное. Для Андрея высочайшимъ наслажденіемъ было созерцать произведенія искусства. Лишь только выпадало свободное время, онъ съ Даніиломъ, «спостникомъ», всецѣло отдавался восторгамъ страсти къ искусству: смотрять на иконы—не пасмотрятся, любуются—не налюбуются, при чемъ, конечно, дѣлятся чувствами одинъ съ другимъ. Св. Іосифъ Волоколамскій, перечисляя святыхъ, жившихъ до него въ русскихъ монастыряхъ, разсказываетъ: «Блаженный Андроникъ бяше великими добродѣтельми сіяя, и съ ними бяху ученицы его Савва и Александръ и чудни они пресловущіи иконописцы, Даніилъ и ученикъ его

[1]) Полн. собр. лѣтоп. т. VI, стр. 138.



И та́ко къ гоу ѿ и до́ша во зрѣ́нїи дру́гъ
съ дру́гомъ въ дх҃о́вне́мъ сою́зѣ. ꙗ҆ко
и҆ здѣ пожи́ста. и҆ сїе́пи
са́нїе коне́чно е҆въ
ꙗ҆лѧ́ ѧ҆ свою̀ о
ста́виша
ꙗ҆ко въ сѣ
мизр
т
с
ѧ:

Рис. 9.

Андрей, и иніи мнози таковы же и толику добродѣтель имуще и толико тщаніе о постничествѣ и иноческомъ жительствѣ, яко имъ божественныя благодати сподобитися и толико въ божественную любовь предуспѣвати, яко никогда же въ земныхъ упражнятися, но всегда умъ и мысль возносити къ невещественному и божественному свѣту, чувственное же око всегда возводити ко еже отъ вещныхъ ваповъ написаннымъ образомъ Владыки Христа и Пречистыя Его Матери и всѣхъ святыхъ, яко и на самый праздникъ Свѣтлаго Воскресенія на сѣдалищахъ сидяща и предъ собою имуща божественныя и всечестныя иконы и на тѣхъ неуклонно зряще, божественныя радости и свѣтлости исполняхуся, и не точію на той день, но и въ прочіе, дни, егда живописательству не прилежаху» [1]).

Смиреннымъ (въ лѣтописи, Минеяхъ) Рублевъ называется, вѣроятно, потому, что смиреніе было отличительною чертою его характера.

Какъ натура нѣжная, Рублевъ всецѣло отдавался лучшимъ человѣческимъ чувствамъ и былъ искреннимъ другомъ Даніила, неразлучавшимся отъ него до своей смерти. Трогательно повѣствованіе подлинниковъ и лѣтописей о взаимной привязанности и смерти Андрея и Даніила. «Преподобный отецъ Даніилъ, спостникъ его (Андрея), иконописецъ славный, зовомый Черный, съ нимъ св. иконы чудныя написаша, вездѣ неразлучно съ нимъ, и здѣ при смерти пріидоша къ Москвѣ и въ обитель Спасскую и преподобныхъ отецъ Андроника и Саввы и написаша церковь стѣнпымъ письмомъ и иконы, призваніемъ игумена Александра, ученика Андроника святаго, и сами сподобишася ту почити о Господѣ» [2]).

Умеръ Андрей, но симпатичный образъ этой свѣтлой личности не покидалъ Даніила. «Егда хотяше Даніилъ тѣлеснаго соуза разрѣшитися, абіе видитъ возлюбленнаго ему (прежде отшедшаго) Андрея, въ радости призывающа его. Даніилъ

---

[1]) Чтенія въ общ. ист. и др. 1847 г. № 7, Смѣсь, стр. 12.
[2]) Буслаевъ, Очерки, т. II, стр. 380.

Ітакоже и другому старцу его именемъ
Андрею иконописцу предъ изряднъ, всѣхъ
превосходящу по премудрости ѡ ѣлнѣ и сѣ=
дины чтны имѣя. и прочіи мнѡѡи. сима
добрѣ строящима обитель благодатію хрстовою.
и бгу помогающу. создаста по оби=
тели своей црковь каменну ѡ ѣло красноу.

Фото-Лит. Н. С. Егорова С.П.Б.
Тиховскій пер. 3

Фото-Лит. Н. С. Егорова С.П.Б.
Литовскій пер. 3.

Исїѧ тако симъ чюдны прно помина
емы моужем оустроивши. и бгоу
годно пожившеко гоу ѿидоша къ
ѡбители ѿцъ своих. и с ними да спо
добит ихъ обещникомъ
быти памѧти их
и нбнаго цр҃ь
стоїѧ. сї
ѧже до
зд҃х

Рис. 10.

же, яко видѣ Андрея, егоже желаше, велми радости исполнився и братіи предстоящимъ ему исповѣдаше пришествіе спостника его и тако въ радости духъ свой Господеви предасть» [1]).

Въ житіи преп. Никона говорится: «Добродѣтельніи старцы и живописцы Даніилъ и Андрей предпомянутый присно духовно братство и любовь къ себѣ велику стяжавше... и тако къ Богу отъидоша во зрѣніи другъ съ другомъ (т. е. на глазахъ одинъ у другого?), въ духовномъ союзѣ, якожъ и здѣ пожиста» [2]).

Архим. Леонидъ въ «Св. Руси» (Спб. 1891 г. № 522) говоритъ, что Андрей Рублевъ умеръ не позже 1424 г.; въ «Книгѣ глагол. Описаніе о Россійск. святыхъ» (по рукоп. XVI—XVII в.), съ дополн. гр. М. Толстаго, М. 1887 г., № 185, сказано, что Рублевъ погребенъ 1427 г., а у Н. Барсукова въ «Источникахъ русск. агіографіи» (Спб. 1882 г., стр. 38) и у арх. Сергія въ «Св. Востокѣ», (М. 1876 г. II; III, 59), преставленіе Андрея отнесено къ 1430 г.

Въ рук. Имп. Публ. Библ. Q. 1, № 409, л. 43 и Q. 1, № 482, л. 24 читаемъ: «Града Москвы святые преподобные Андрей Рублевъ и Даніилъ Черный, спостникъ его, иконописцы славніи быша, представившася въ лѣто 6938 (т. е. 1430 года), положени быша въ монастырѣ Андроникомъ, ту писаша церковь»... Если вѣрить этому извѣстію, то Андрей и Даніилъ умерли въ одномъ и томъ же году, и Даніилъ весьма немного пережилъ своего друга. «Долго искалъ я, — разсказываетъ Иванчинъ-Писаревъ въ описаніи Спасо-Андроникова монастыря [3]),—двухъ знаменитыхъ гробовъ, но всѣ мои старанія были тщетны: здѣсь, въ 1430 г., похоронены славные иконописцы Андрей Рублевъ и подругъ его Даніилъ». «Въ Исторіи Россійской Іерархіи,—замѣчаетъ Калайдовичъ,—они названы священниками, то ихъ могилы должны были находиться гдѣ-

---

[1]) Полное собр. лѣт. т. VI, стр. 138, ср. Іосифа Волоцкаго Сказаніе вкратцѣ о святыхъ отцѣхъ, Чт. въ общ. ист. и др. росс. 1847 г. № 7, Смѣсь, стр. 12.

[2]) Житіе препод. Сергія, М. 1856.

[3]) Спасо-Андроников., М. 1842 г., стр. 42.

нибудь за алтаремъ соборнаго храма» [1]). «Какъ полагаютъ (?),— говоритъ Собко,—Андрей и Даніилъ погребены подъ алтаремъ соборнаго храма» [2]). Въ памятникахъ древней письменности они называются святыми преподобными, но о канонизаціи ихъ церковною властію неизвѣстно.

Кисти Андрея Рублева, по мнѣнію нѣкоторыхъ, принадлежатъ фрески Успенскаго собора во Владимірѣ, открытыя въ 1859 и 1880 году. Большинство ихъ, располагаясь по западной стѣнѣ, аркамъ, сводамъ и столбамъ главнаго и праваго нефа,—являются отдѣльными частями одной и той же картины Страшнаго суда, разбросанной по разнымъ мѣстамъ. «Развернутая здѣсь картина,—говоритъ Н. В. Покровскій,—представляетъ собою такое монументальное явленіе, равнаго которому мы не знаемъ въ стѣнописяхъ до XVII столѣтія» [3]).

Изображенъ престолъ, на немъ «евангеліе, восьмиконечный крестъ съ тростію и копіемъ; у подножія креста—сосудъ, въ которомъ находится, вѣроятно, кровь распятаго Богочеловѣка, омывшая грѣхи человѣческаго рода: къ сосуду прикрѣплены праведные вѣсы; здѣсь же Адамъ и Ева въ колѣнопреклоненномъ положеніи; по сторонамъ престола Богоматерь и Предтеча» [4]) (см. рис. 11). Выше престола колесница Іезекіиля, обычно изображаемая у ногъ Господа. По обѣимъ сторонамъ престола возсѣдаютъ апостолы съ раскрытыми книгами съ буквами, означающими ихъ имена (Мт., Мр., Лк., Ін. и т. д., т. е. Матѳей, Маркъ, Лука, Іоаннъ), оборотившись одинъ къ другому, съ жестами,—какъ бы разсуждаютъ, творя со Христомъ судъ надъ людьми (см. рис. 12). За апостолами тьмы ангеловъ, надъ которыми цѣлый, такъ сказать, лѣсъ ихъ жезловъ съ монограммами Христа; нѣкоторые ангелы обращены другъ ко

---

[1]) Труды и лѣтописи общества исторіи и древн. Россійскихъ, ч. III, кн. II 1827 г., стр. 46.

[2]) Собко, Словарь, стр. 169.

[3]) Труды VI археологическаго съѣзда въ Одессѣ, т. III, Одесса, 1887 г., стр. 300.

[4]) Ibid.

другу,—среди этихъ темъ какъ-бы молвь, сдерживаемая благоговѣніемъ и страхомъ, подобная рокоту волнъ безграничнаго моря. Въ кругѣ изъ серафимовъ Божественный Судія, представленный въ рѣшающемъ моментѣ послѣдняго суда:—десницею призываетъ праведныхъ къ наслѣдію блаженства, а шуйцей выражаетъ отверженіе грѣшниковъ. Два ангела свиваютъ хартію, или полотно, съ солнцемъ, луною и звѣздами на ней,

Рис. 11.

т. е. небо. Другіе два ангела трубятъ—одинъ внизъ, другой вверхъ, созывая живыхъ и умершихъ на судъ, и по звуку архангельской трубы земля и море отдаютъ мертвецовъ (см. рис. 13). Земля—въ видѣ женщины съ жезломъ въ правой рукѣ и гробомъ въ лѣвой. Вокругъ нея воскресающіе люди въ бѣлыхъ саванахъ [1]) и представители царства звѣрей, птицъ и

[1]) Въ этой группѣ или однѣ только женщины (Проф. Н. В. Покровскій, Очерки памятниковъ христіанской иконографіи, Спб. 1900 г., стр. 323), или же мужчины и женщины въ одинаковомъ видѣ, какъ они изображаются въ рукѣ Божіи и лонѣ Авраамовѣ. У Кирилла Транквилліона въ поученіи «на преставленіе вѣрнаго человѣка—о воскресеніи общемъ всея вселенныя» (Учительное Евангеліе, ч. 2-ая) читаемъ: «Егда услышатъ гласъ Сына Божія, абіе оживутъ и изыдутъ отъ гробовъ. Тогда вси пріидутъ въ единъ возрастъ и мѣру, въ нейже бѣ сотворенъ Адамъ... яко мнози отъ

пресмыкающихся: левъ, слонъ, пеликанъ, змѣй. Рядомъ море въ видѣ женщины съ длинными распущенными волосами; въ правой рукѣ у ней корабль, возлѣ котораго плаваютъ рыбы. «По звуку тѣхъ же ангельскихъ трубъ встаютъ лики святыхъ

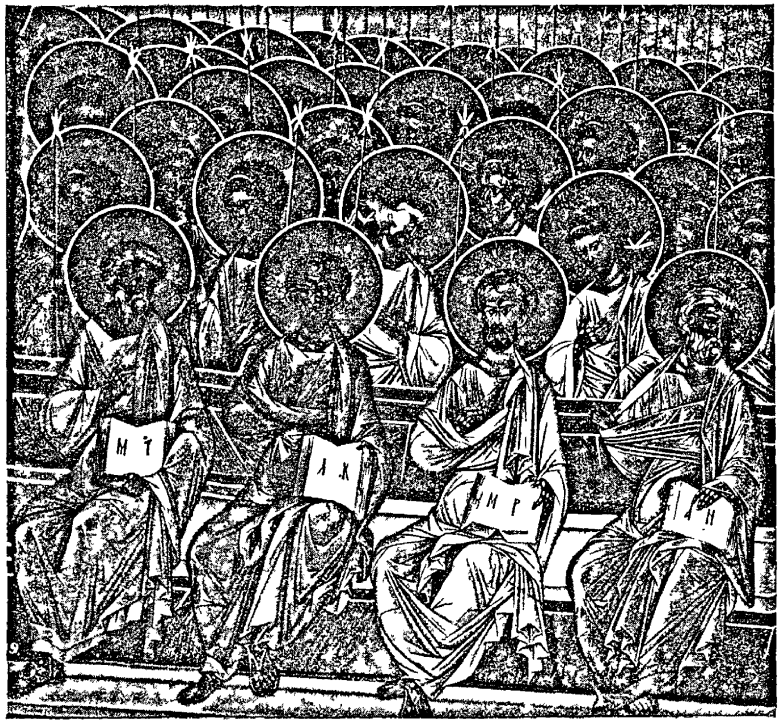


Рис. 12.

царей, въ костюмахъ ветхозавѣтныхъ праведниковъ и въ шапочкахъ, и одинъ въ діадимѣ, лики мучениковъ, лики святителей въ крестчатыхъ фелоняхъ, съ короткими волосами,

святыхъ о семъ рѣша». Не изобразилъ-ли художникъ на этихъ фрескахъ воскресающихъ мертвецовъ въ томъ возрастѣ и мѣрѣ, въ которыхъ создалъ Адама, обыкновенно изображаемый въ раю безбородымъ?

лики преподобныхъ въ мантіяхъ и одинъ въ клобукѣ въ видѣ колпака, наконецъ лики св. женъ (см. рис. 14), среди которыхъ выдѣляются—царица въ царскомъ одѣяніи и вѣнцѣ и преподобныя въ клобукахъ» [1]). Подъ надписью: «идутъ святіи въ раі» изображено шествіе святыхъ (см. рис. 15), которыми предводительствуетъ апостолъ Петръ съ ключемъ въ правой

Рис. 13.

рукѣ. Здѣсь же апостолъ Павелъ, со свиткомъ въ лѣвой рукѣ, въ которомъ написано: «придѣте со мною благіихъ», указываетъ правою рукою мѣсто блаженства праведниковъ. За апостолами, среди которыхъ, кромѣ первоверховныхъ Петра и Павла, можно отличить Іоанна Богослова, Ѳому, или Филиппа,—слѣдуютъ праотцы и пророки [2]), изъ которыхъ въ коронѣ царь и пророкъ

---

[1]) Проф. Н. В. Покровскій. Очерки памятниковъ христіанской иконографіи, стр. 323.

[2]) По предположенію Усова и проф. И. Д. Мансветова, изображенные здѣсь за апостолами праведники въ колпачкахъ—волхвы (Прибавленія къ твореніямъ св. отецъ за 1883 г.). Но въ такомъ случаѣ среди сонмовъ святыхъ, идущихъ въ рай,—апостоловъ, мучениковъ, святителей, преподобныхъ,—не оказалось бы сонма, обычно слѣдующаго за апостолами,—пророковъ и праотцевъ, изъ которыхъ многіе (Мелхиседекъ, Ааронъ, Самуилъ, Захарія) изображаются въ колпачкахъ. Болѣе, нежели вѣроятно, что юноша съ кудрями въ колпачкѣ (фригійской шапочкѣ)—не волхвъ, но пророкъ Даніилъ.

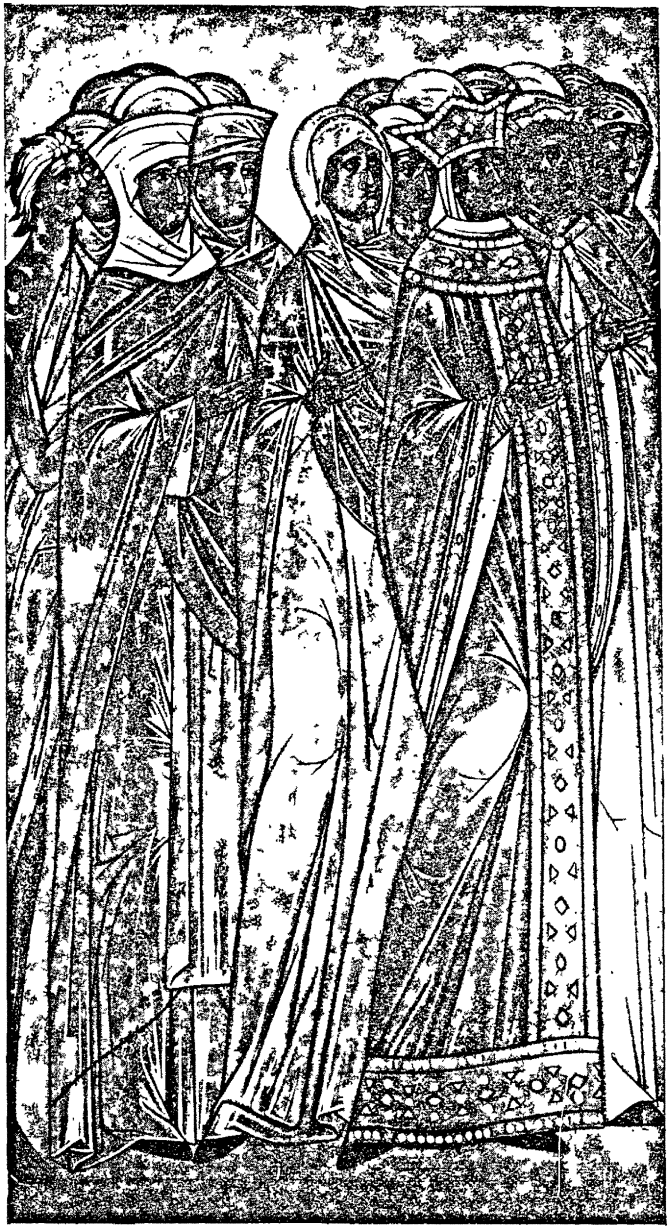


Рис. 14.

Давидъ,—далѣе святители (изъ нихъ впереди Василій Великій, Григорій Богословъ, Іоаннъ Златоустъ, Николай Чудотворецъ). мученики, преподобные, праведныя жены (съ царицей—Еленой?—впереди), мужчины и женщины, угодившіе Богу, хотя и не причисленные къ лику святыхъ. Благоразумный разбой-

Рис. 15.

никъ съ восьмиконечнымъ крестомъ—среди зеленѣющихъ деревьевъ съ надписью: «благоразумный разбойникъ свѣтъ невечерній». Рядомъ херувимъ съ пламеннымъ мечемъ, охраняющій райскую дверь. Блаженство праведныхъ является въ различныхъ видахъ. Въ одномъ мѣстѣ изображена кисть правой руки съ пригнутыми къ ладони пальцами: въ рукѣ праведныя

души въ видѣ юныхъ людей [1]) (рис. 16); въ другомъ—лоно Авраамово. На широкомъ возвышеніи среди плодовыхъ деревьевъ сидятъ Авраамъ въ видѣ старца, Исаакъ моложе, въ видѣ зрѣлаго мужа и Іаковъ еще болѣе молодой [2]). У Авраама въ пазухѣ души праведныхъ [3]). Внизу назади нѣсколько дѣтскихъ фигуръ въ бѣлыхъ сорочкахъ и золотыхъ нимбахъ (рис. 17). Въ раю Богоматерь на тронѣ, среди двухъ приникающихъ къ ней ангеловъ. Исаакъ, Іаковъ, дѣтскія фигуры, Богородица—съ простертыми дланями: можетъ быть,—согласно 1 ст. 46 псалма: «Восплещите руками, воскликните Богу гласомъ радованія»...—рукоплещутъ для выраженія небесной радости. Наконецъ, Ангелъ показываетъ пророку Даніилу кончину міра и грядущія событія (рис. 18). Въ кругѣ представлены символическія фигуры четырехъ царствъ: македонскаго въ видѣ грифона, вавилонскаго въ видѣ медвѣдя, римскаго въ видѣ крылатаго льва и антихристова въ видѣ рогатаго звѣря (рис. 19).

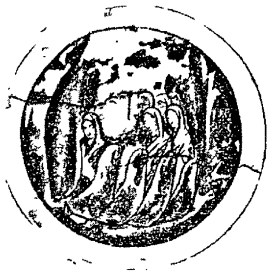


Рис. 16.

Сверхъ того въ этихъ фрескахъ находятся изображенія Введенія Богоматери во храмъ, Срѣтенія Господня, Крещенія (изображеніе,—по замѣчанію проф. Н. В. Покровскаго [4]),—«напоми-

---

[1]) Изображая такъ райское блаженство, художникъ не заслуживаетъ, кажется, упрека (Очерки памятниковъ христіанской иконографіи, стр. 324; ср. Толстого и Кондакова Русскія древности, вып. VI, Спб. 1899 г., стр. 62) въ буквальномъ пониманіи библейскаго выраженія: «Праведныхъ души въ рудѣ Божіи». Онъ только символически изобразилъ райское блаженство, посредствомъ подобія, заимствуя его изъ Священнаго Писанія. Иначе, не прибѣгая къ подобіямъ, изобразить райское блаженство человѣкъ не въ состояніи.

[2]) Все-таки его нельзя назвать «юнымъ», какъ называютъ Толстой и Кондаковъ (Русскія древности въ памятникахъ искусства, вып. VI, стр. 62): борода Іакова чуть-ли не длиннѣе бороды Авраама.

[3]) Народная поговорка: «Какъ у Бога (или: у Христа) за пазухой» (Пословицы русскаго народа. Сборникъ Даля. Изд. Общ. любит. ист. и древн. россійскихъ. М. 1862 г., стр. 79),—не стоитъ-ли въ связи съ подобнымъ представленіемъ райскаго блаженства? Не принялъ-ли народъ Авраама за Саваоѳа или Іисуса Христа?

[4]) Очерки, стр. 321.

нающее хорошіе образцы академической живописи», и Сошествія Св. Духа на Апостоловъ, а также изображенія святыхъ: Авраамія затворника, Артемія Селевкійскаго, Антонія

Рис. 17.

Великаго, Ѳеодосія Великаго, царя Давида, прор. Исаіи и нѣкот. др.

Предположеніе о происхожденіи этихъ фресокъ въ XII в.,— когда былъ построенъ Андреемъ Боголюбскимъ Успенскій соборъ (1158—1160),— или, по крайней мѣрѣ, во время князя Всеволода едва-ли можетъ быть признано основательнымъ въ виду

Рис. 18.

многочисленныхъ пожаровъ (1185 г., 1237 г.) въ соборѣ, о которыхъ разсказываетъ лѣтопись. «Вѣроятно,—замѣчаетъ проф. Н. В. Покровскій,—огонь не пощадилъ и живописей, если онъ уничтожилъ металлическія вещи» [1]).

По мнѣнію гг. Толстого и Кондакова, «самый стиль росписи, высокія фигуры, детальное мелкое письмо, а также различныя подробности, напримѣръ, головные уборы (?) святыхъ, идущихъ въ рай, указываютъ на XV вѣкъ» [2]). Но по стилю заключать о позднѣйшемъ происхожденіи разсматриваемыхъ фресокъ довольно рискованно. Понятіе о стилѣ болѣе или менѣе неопредѣленное, и сужденія о памятникахъ древности по стилю обыкновенно носятъ субъективный характеръ. Сказавши, что «болѣе вѣрнымъ признакомъ позднѣйшаго происхожденія разсматриваемыхъ фресокъ служитъ стиль росписи: стройныя фигуры изображенныхъ здѣсь святыхъ, тонкія черты лицъ, тщательность и чистота отдѣлки, а также головные уборы царицъ, идущихъ въ рай напоминаютъ лучшую Московскую иконопись XIV—XV вѣка»,—проф. Н. В. Покровскій признаетъ въ то же время, что «по однимъ признакамъ стиля не всегда легко опредѣлить столѣтіе, а тѣмъ болѣе полустолѣтіе» [3]), и это доказываетъ на примѣрѣ.

Рис. 19.

Покойный проф. И. Д. Мансветовъ, также на основаніи стиля, признавалъ въ этихъ фрескахъ произведеніе позднѣйшее—иконописцевъ Строгановской школы. «Нѣтъ сомнѣнія,—писалъ онъ,—что между этими фресками сохранилось и древнее письмо, можетъ андреевскаго времени, но въ картинахъ

[1]) Ibid, стр. 319.
[2]) Русскія древности, в. VI, стр. 60.
[3]) Очерки, стр. 320 и 378.

страшнаго суда виденъ уже позднѣйшій стиль и нѣкоторые иконографическіе признаки ясно указываютъ на пріемы строгановскаго письма. Древняя живопись тутъ, очевидно, подновлена» [1]). Но существованіе особой Строгановской школы болѣе, чѣмъ сомнительно [2]).

Относя разсматриваемыя фрески «не къ первоначальной росписи, а позднѣйшему поновленію 1408 года», гг. Толстой и Кондаковъ говорятъ: «Извѣстно, что въ 1408 году соборъ былъ росписанъ (хотя частію) извѣстнымъ иконописцемъ Андреемъ Рублевымъ и нѣкіимъ Данилой», которые, «вѣроятно, придерживались сохранившейся (?) росписи, если не въ письмѣ (?), что во всѣ времена мало обычно, то въ сюжетахъ и отчасти въ самомъ характерѣ (?), что было не трудно, такъ какъ живопись XV вѣка тѣсно была связана съ фресками XIII—XIV вѣковъ» [3]).

На томъ основаніи, что лѣтописныя сказанія сохранили извѣстія только о росписаніи собора въ XII и XV вѣкѣ, конечно, нельзя полагать, чтобы другихъ росписей въ этомъ соборѣ не было. Та роспись Троицкаго собора въ Троице-Сергіевской лаврѣ, надъ которою трудился Рублевъ съ Даніиломъ и др., «вельми различными подписаньми удобривше ту, могуще зрящихъ удивити всѣхъ», подверглась слѣдующимъ перемѣнамъ, извѣстнымъ по документальнымъ даннымъ: «Въ 1635 году, по завѣщанію боярина Богдана Михайловича Нарышкина, Троицкій соборъ вновь росписанъ; въ 1777 году стѣнопись Троицкаго собора возобновлена на сумму, ассигнованную изъ Государственной Коллегіи Экономіи, мастерами изъ духовнаго званія, именно священниками и діаконами. Въ 1834 году и, черезъ двадцать лѣтъ, въ 1854 году церковное росписаніе опять потребовало обновленія и совершено лаврскими иконописцами» [4]).

---

[1]) Прибавленія къ твореніямъ св. отцевъ за 1883 г., кн II, стр. 540.

[2]) См. В. И. Успенскаго Очерки по исторіи иконописанія. Спб. 1899 г., стр. 31 и слѣд.

[3]) Русскія древности, стр. 60.

[4]) Историческое описаніе Свято-Троицкія Сергіевы лавры. М. 1865 г., стр. 17; ср. іером. Павла Краткое описаніе Свято-Троицкія Сергіевы лавры. М. 1790 года, стр. 10.

Если, какъ видно отсюда, стѣнописи требовали поновленія иногда черезъ двадцать лѣтъ, то, конечно, и роспись Успенскаго собора во Владимірѣ производилась не только въ XII и XV вѣкѣ.

Почти полное отсутствіе на разсматриваемыхъ фрескахъ святыхъ изъ русскихъ (можно указать здѣсь только одного въ ликѣ мучениковъ) не служитъ-ли основаніемъ къ предположенію о происхожденіи этихъ фресокъ до XVI—XVII вѣка, когда большинство русскихъ святыхъ были канонизованы? Палеографическія данныя нѣкоторыхъ надписей указываютъ на XII—XIV вѣкъ.

Тѣмъ не менѣе даже въ томъ случаѣ, если бы эти фрески относились къ XV вѣку, именно къ 1408 году, нельзя утверждать, что онѣ письма Андрея Рублева. Лѣтописецъ, повѣствуя о росписаніи собора въ 1408 году, первое мѣсто въ этой работѣ отводитъ не ему, но Даніилу, которому онѣ и могутъ принадлежать.

Эти фрески въ 1880—83 году были реставрированы мастеромъ Н. М. Сафоновымъ подъ наблюденіемъ особой коммиссіи при Московскомъ Археологическомъ Обществѣ, предсѣдателемъ которой былъ Ив. Егор. Забѣлинъ. Какъ бы искусна ни была реставрація, она все-таки должна привнести въ нихъ нѣчто новое, измѣнить нѣсколько ихъ характеръ.

Во Владимірѣ же при реставраціи Димитріевскаго собора въ 1837—1844 году открыты фрески, которыя, по мнѣнію нѣкоторыхъ [1]), исполнены или возобновлены Андреемъ Рублевымъ въ началѣ XV вѣка. Но упоминая о росписаніи Даніиломъ и Андреемъ Успенскаго собора, лѣтописныя сказанія не говорятъ о росписаніи ими собора Димитріевскаго.

Кисти Андрея Рублева, по мнѣнію нѣкоторыхъ (Иванчина—Писарева), стѣнопись собора въ Московскомъ Симоновомъ мона-

---

[1]) Строгановъ. Дмитріевскій соборъ во Владимірѣ на Клязмѣ. М., 1849 г., стр. 12; ср. Очерки памятниковъ христіанской иконографіи, стр. 316.

стырѣ и церкви Рождества Пресвятыя Богородицы на сѣняхъ [1]),— мнѣніе ни на чемъ не основанное. Про церковь Рождества Богородицы на сѣняхъ изъ лѣтописей извѣстно только, что ее расписывали Ѳеофанъ грекъ и Симеонъ Черный съ учениками.

Рис. 20.

Въ Троице-Сергіевой лаврѣ приписывается Андрею Рублеву мѣстная икона Св. Троицы,—можетъ быть, та самая,

[1]) Московскій Наблюдатель, журналъ энциклопедическій, ч. XIX, М. 1838 г. ст. Вечеръ въ Симоновѣ, примѣч., стр. 92; Спасо-Андроникова, стр. 43.

которую онъ написалъ по повелѣнію преподобнаго Никона «въ похвалу отцу Сергію». Композиція самая простая: три ангела съ жезлами въ лѣвой рукѣ, сидятъ за столомъ, на которомъ яства: плоды (виноградъ), сосудъ въ видѣ водосвятной чаши. Средній изъ нихъ благословляетъ (двуперстно) кушанія и какъ бы читаетъ молитву или говоритъ, тогда какъ другіе слушаютъ. Фигуры ангеловъ стройныя, изящныя, положенія ихъ граціозныя. Икона, вообще, художественная (рис. 20).

Отзывы о ней восторженные. «Она,—пишетъ Иванчинъ—Писаревъ,—являетъ въ себѣ одинъ изъ лучшихъ, цѣльнѣйшихъ памятниковъ Византійскаго искуства; ибо стиль рисунка и самаго живописанія кажетъ въ ней цвѣтущее время онаго» [1]). А вотъ отзывъ о ней проф. Шевырева: «Письмо Византійское превосходное. Необычайная красота и грація разлиты по этимъ ликамъ (трехъ ангеловъ), чисто греческимъ. Очертанія лицъ, глазъ и волосъ имѣютъ волнистое движеніе (?). Всѣ три ангела съ любовію склоняютъ другъ къ другу головы и составляютъ какъ бы одно нераздѣльное цѣлое, выражая тѣмъ символически мысль о любвеобильномъ единеніи лицъ Пресвятыя Троицы. Когда смотришь на величавыя и прекрасныя иконы Греческаго стиля, тогда приходитъ на умъ: ужъ не содѣйствовали ли мы его искаженію, даже и въ такъ называемой Строгановской школѣ, которая удалилась отъ величія типовъ греческихъ, отъ красоты очертаній и пустилась въ мелочи, въ складочки одеждъ и въ постороннія архитектурныя украшенія» [2]).

Этотъ образъ «обложенъ золотомъ и драгоцѣнными камнями въ 1600 г. царемъ Борисомъ Ѳеодоровичемъ. На большомъ изумрудѣ высѣчено изображеніе Св. Троицы. Три цаты золотыя приложены царемъ Михаиломъ Ѳеодоровичемъ въ 1626 г.» [3]).

---

[1]) День въ Троицкой лаврѣ. М. 1840.

[2]) Поѣздка въ Кирилло-Бѣлозерскій монастырь, ч. I, М. 1850 г., стр. 13—14.

[3]) А. В. Горскій. Историческое описаніе Свято-Троицкой Сергіевы лавры, съ прилож. архим. Леонида, ч. М. 1879 г.; Снегиревъ. Троицкій соборъ, церковь преп. Никона и келія преп. Сергія. М. 1854 г., стр. 7.

Объ иконѣ Св. Троицы письма Андрея Рублева упоминаютъ отцы Стоглаваго собора. На вопросъ царя: «У Св. Троицы пишутъ перекрестие ови у среднего а иные у всѣхъ трехъ. а въ старыхъ письмахъ і въ греческихъ подписываютъ Святая Троица. а перекрестья не пишутъ ни у единаго. а нынѣ подписываютъ у среднего Іс Христосъ да Святая Троица. и о томъ разсудити отъ божественныхъ правилъ како нынѣ то писати» (гл. 41, вопр. 1),—отцы собора отвѣчали: «Писати живописцемъ иконы съ древнихъ образовъ. какъ греческіе живописцы писали и какъ писалъ Андрей Рублевъ и прочии пресловущии живописцы и подписывати Святая Троица. а отъ своего замышленія ничтоже претворяти» [1]).

Въ Кирилло-Бѣлозерскомъ монастырѣ въ соборѣ «мѣстный храмовой образъ Успеніе Пресвятыя Богородицы писанъ Андреемъ Рублевымъ и, можетъ быть, еще при жизни преподобнаго Кирилла. Въ описныхъ книгахъ Кириллова монастыря 1621 г. значится: «Образъ мѣстной (въ соборѣ) Успенія Пресвятые Богородицы Рублева письма», и проч. Описаніе онаго тамъ во всемъ сходно съ нынѣшнимъ, кромѣ привѣсокъ. То же въ описн. книгѣ 1635 года и 1668 г. Еще ранѣе въ приходорасходной тетради объ устроеніи ризы въ 1614 г. на икону преп. Кирилла, писанную св. Діонисіемъ, сказано: «да у Успенія Пречистые Богородицы отъ Рублеваго письма взять рѣпей златъ» [2]). Композиція иконы Успенія слѣдующая (см. рис. 21). Апостолы совершаютъ погребеніе Пресвятой Дѣвы, при чемъ одинъ кадитъ, другой лобызаетъ пречистое тѣло усопшей. За ними видны женщины, присутствующія при погребеніи. Надъ гробомъ Іисусъ Христосъ, явившійся съ ангелами принять душу Своей Матери; на Его рукахъ ея душа

[1]) По изданію (2-ое) 1887 г., стр. 79.

[2]) Архим. Варлаамъ. Описаніе историко-археологическое древностей и рѣдкихъ вещей, находящихся въ Кирилло-Бѣлозерскомъ монастырѣ, М. 1859 г., стр. 11, 87—88; Савваитовъ П. И. Оружейная палата Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря по описнымъ книгамъ 1668 года. Спб. 1851 г., стр. 2; Никольскій Н. Кирилло-Бѣлозерскій монастырь, т. 1, стр. 104.

въ видѣ младенца. Предъ гробомъ ангелъ мечемъ отсѣкаетъ руки жидовину Аѳонію за попытку опрокинуть гробъ [1]). Надъ Спасителемъ, въ небесахъ, Богородица (по успеніи) на престолѣ съ двумя предстоящими ангелами.—По сторонамъ, надъ палатами, въ сопровожденіи ангеловъ, несутся на облакахъ апостолы, чтобы присутствовать при успеніи Богородицы [2]). «Икона сія украшена на свѣту и по полямъ серебрянымъ позолоченнымъ окладомъ»; такія же, но позднѣйшей работы (около 1760 года), ризы на Спасителѣ, Богоматери и святыхъ; на вѣнцахъ, цатахъ жемчугъ и драгоцѣнные камни. Дска длиною 2 арш. 1 верш., шириною 1 арш. $9^1/_2$ вершка» [3]).

Въ Твери въ Троицкой Затьмацкой церкви есть икона съ надписью, что она письма Рублева. Это изображеніе ветхозавѣтной Троицы. За столомъ, на которомъ три чаши, ножи, вилки, сидятъ три ангела, крылья которыхъ густо прописаны золотомъ. Справа средняго ангела Авраамъ, слѣва же Сарра съ

---

[1]) «Эта подробность,—замѣчаетъ Н. В. Покровскій,—появляется въ русскихъ памятникахъ сравнительно въ позднее время» (Сійскій иконописный подлинникъ вып. III, стр. 140). Ѳ. И. Буслаевъ говоритъ: «На иконѣ Успенія, перенесенной во второй половинѣ XI в. въ Кіево-Печерскій храмъ Успенія греческими мастерами изъ Цареграда, жидовина съ подробностями извѣстнаго чуда—еще нѣтъ; потому что это чудо относится собственно къ другому эпизоду событія (?) и только въ послѣдствіи было присовокуплено къ этому иконописному сюжету». Но въ той же самой статьѣ Буслаева упоминается объ изображеніи Успенія въ миніатюрахъ IX—X в., гдѣ «архангелъ Михаилъ отсѣкаетъ руки у невѣрующаго іудейскаго жреца» (Сборникъ на 1866 г. издан. Общ. древне-русск. искусства, стр. 103 и 76). Чудо съ Аѳоніемъ представлено въ изображеніяхъ Успенія на саккосѣ митроп. Фотія,—† 1431 г.,—(см. Указатель для обозрѣнія Московской патріаршей ризницы, составленный архіеп. Саввою, изд. 4-ое, М. 1863 г., табл. IV), на храмовой иконѣ въ Новгородскомъ Софійскомъ соборѣ,—«писана въ XIV в. и возобновлена въ 1706 г. и частію въ 1899 г.» (Священникъ А. Конкординъ. Описаніе Новгородскаго каѳедральнаго Софійскаго собора. Стр. 18).

[2]) По мнѣнію Буслаева, детали изображенія Успенія—архангелъ, поражающій Аѳонія и несомые на облакахъ апостолы «вошли въ иконопись изъ апокрифическихъ сказаній» (Сборникъ на 1866 г., стр. 76 и 102). Но почему не предположить заимствованія этихъ деталей изъ богослуженія на 15 августа, гдѣ говорится какъ о пораженіи Аѳонія (тропарь 2-ой третьей пѣсни канона, 4-ый кондакъ акаеиста), такъ и о прибытіи апостоловъ на облакахъ (слава и нынѣ, на Господи воззвахъ, 1-ый тропарь 5-ой пѣсни канона, слава и нынѣ на хвалитехъ)?

[3]) Архим. Варлаамъ. Описаніе историко-археологическое... стр. 12.

чашами въ рукахъ. Сзади палаты, горы и дубъ. Передъ столомъ отрокъ рѣжетъ тельца. Надъ ангелами надпись: «Святая Троица». Внизу иконы, слѣва отъ зрителя: «Пис(ь)мо сіи образъ бывшего Государева ма(с)тера Мо(с)ковскаг(о) Рублева».

Надпись эта позднѣйшая, о чемъ свидѣтельствуютъ палеографическія данныя. Рублевъ названъ въ ней государевымъ мастеромъ: едва-ли, однако, можно доказать существованіе «государевыхъ мастеровъ» въ XIV—XV вѣкѣ. Икона носитъ слѣды многочисленныхъ починокъ.

Рис. 21.

О ней въ журналѣ 66-го засѣданія Тверской ученой Архивной коммиссіи 23-го октября 1897 года читаемъ: «Признакомъ древности иконы служитъ, между прочимъ, то, что дерева, на которомъ икона написана, почти нѣтъ (?); оно истлѣло, а оставшіяся пустыя мѣста залиты воскомъ. О. В. И. Некрасовъ предполагаетъ, что такъ какъ Троицкая Затьмацкая церковь была приписана къ Троицко-Сергіевой лаврѣ (?), то икона могла быть написана по заказу лавры» (стр. 7). Но даже въ случаѣ справедливости этого предположенія вопросъ,—Рублевъ-ли писалъ икону, остается нерѣшеннымъ.

Н. Иванчинъ-Писаревъ нашелъ нѣсколько Рублевскихъ иконъ въ Коломнѣ и Коломенскомъ уѣздѣ. О церкви Зачатія св. Анны въ Коломнѣ онъ сообщаетъ: «Въ этомъ храмѣ множество древнихъ иконъ; есть образы Византійцевъ и двѣ или три кисти знаменитаго Андрея Рублева. О послѣднихъ я заключилъ такъ, помня стиль и отдѣлку этого иконописца, коего образцы, въ весьма маломъ числѣ, сохранились отъ времени, пожаровъ, поновленій».—Опять, слѣдовательно, заключеніе по стилю! О Никольской церкви с. Ѳедоровскаго, Коломенскаго уѣзда, Н. Иванчинъ-Писаревъ говоритъ: «Въ иконостасѣ стоитъ икона Успенія Богоматери, писанная на золотѣ Греческими художниками или нашими древнѣйшими ихъ подражателями. Есть преданіе, что она кисти знаменитаго Андрея Рублева, коего произведенія были драгоцѣнностію иконохранилищъ царскихъ. Она украшена богатою золотою ризою и каменьями, съ вложенными въ ея доску многими частицами святыхъ мощей, которыя помѣщены въ гробъ успшей Богоматери. Рисунокъ изящный; тоны колеровъ удивительно сохранились. Эта икона была благословеніемъ отъ царя Алексія Михайловича сыну боярина Ѳедора Ивановича Шереметьева Алексѣю Ѳеодоровичу, при вступленіи его въ бракъ». Могъ-ли, однако, такой любитель и цѣнитель искусства и иконъ, какимъ былъ царь Алексѣй Михаиловичъ, уступить жениху или новобрачному Шереметьеву или кому другому икону письма Рублева?—Про икону св. Димитрія Солунскаго въ Спаской церкви въ Коломнѣ Иванчинъ-Писаревъ замѣчаетъ: «Не писалъ-ли ее Рублевъ или одинъ изъ его учителей» [1])?

Архимандритъ Леонидъ указываетъ иконы Рублевской кисти въ Звенигородскомъ уѣздѣ. «По дошедшимъ до меня слухамъ,—писалъ онъ,—въ церкви села Введенскаго (Першино тожь) есть икона Спаса Нерукотвореннаго, по преданію письма блаженнаго Андрея Рублева. Для окончательнаго заключенія

[1]) Прогулка по древнему Коломенскому уѣзду. М. 1843 года, стр. 150, 66 и 149.

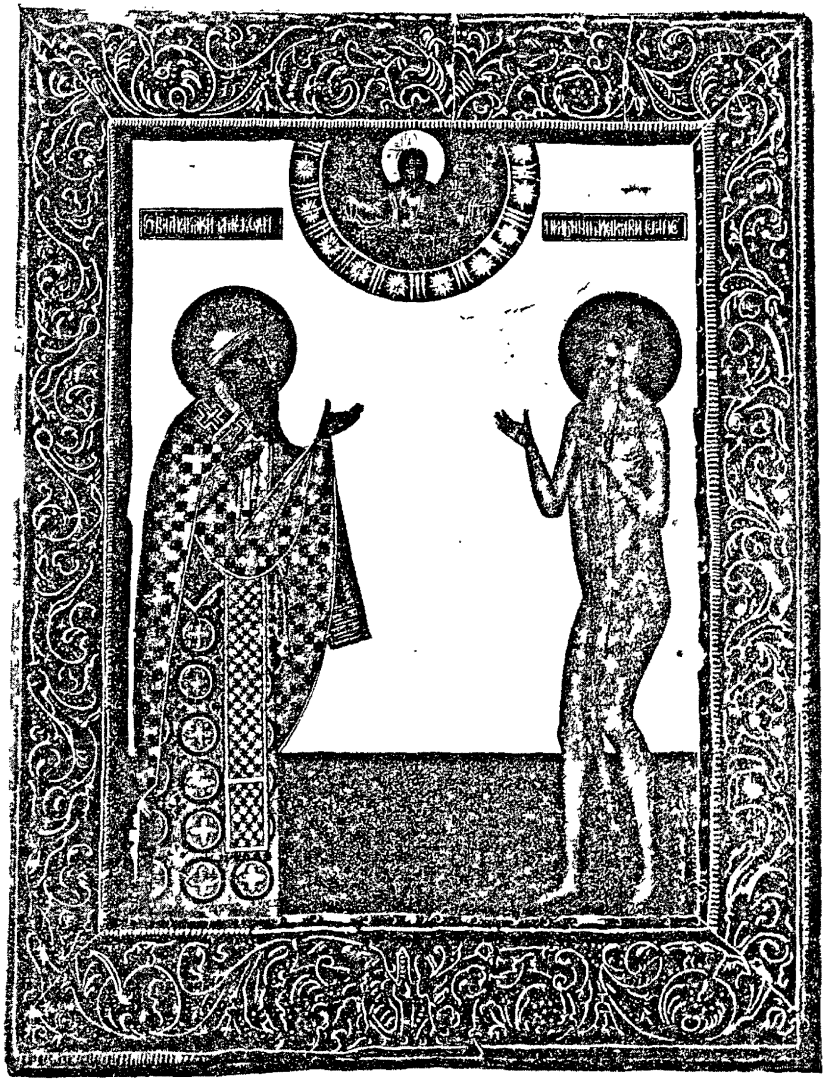


Рис. 22.

по этому предмету надобно было бы сравнить икону села Введенскаго съ тою, которая находится въ церкви бывшаго села Новоспасскаго (тоже г. Головиныхъ); такъ какъ другое преданіе считаетъ сію за подлинную икону письма Рублева (написанную въ благословеніе родоначальника г. Головиныхъ, князя Хаврина), признавая впрочемъ, что древній окладъ Введенской иконы былъ прежде на иконѣ Новоспасской» [1]).

Въ «Указателѣ Церковно-Археологическаго музея при Кіевской духовной академіи» (сост. Н. П. Петровъ, 2-ое изд., Кіевъ 1897 г., стр. 49) читаемъ: «№ 2550—копіи съ иконъ четырехъ святителей—Василія Великаго, Григорія Богослова, Іоанна Златоуста и Чудотворца Николая, Архангела Михаила и Богоматери, въ одной рамкѣ, снятыя съ подлинниковъ, приписываемыхъ кисти Андрея Рублева, знаменитаго иконописца временъ Димитрія Донскаго отъ древняго иконостаса Боголюбскаго собора во Владимірѣ, находящихся нынѣ въ имѣніи графа Шереметева, селѣ Васильевскомъ, работы Подклюшникова». Въ Филаретовской коллекціи, пріобрѣтенной въ этотъ музей отъ купца Сорокина, № 4457—«Спаситель поясной благословляющій, съ Евангеліемъ, на которомъ написано: «Не убойся мое малое стадо», Рублева XV в.» («Указатель музея», стр. 154).

А. Н. Андреевъ въ книгѣ «Живопись и живописцы» (СПБ. 1857 г., стр. 472) говоритъ: «Одно изъ произведеній Рублева находилось недавно у покойнаго графа А. Н. Мусина-Пушкина, но гдѣ оно теперь неизвѣстно». Но мнѣніе о принадлежности этой старинной иконы Андрею Рублеву опровергнуто И. П. Сахаровымъ [2]).

Въ «Древностяхъ Россійскаго государства» помѣщенъ снимокъ съ иконы святыхъ Макарія Египетскаго и Макарія Александрійскаго (рис. 22), о которой читаемъ: «Наслѣдственное преданіе выдаетъ сію икону за произведеніе кисти знаменитаго въ свое время Андрея Рублева; теперь она принадлежитъ

[1]) Сборникъ общества древне-русскаго искусства на 1873 г., стр. 115.
[2]) Художественная газета 1841 г., № 22, стр. 4.

Рис. 23.

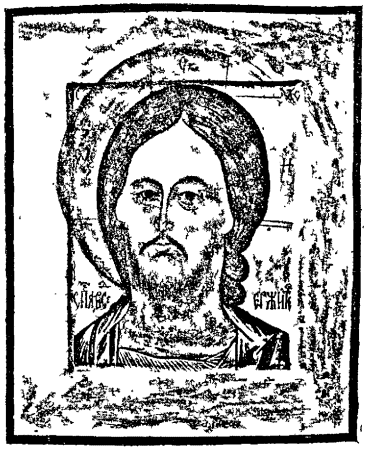


Рис. 24.

Рис. 25.

Московскому мѣщанину Данилѣ Андрееву» (Отд. 1, М. 1849 г., стр. 23).

«У Семена Кузмича, бывшаго настоятеля Преображенскаго кладбища въ Москвѣ, — говоритъ Ровинскій («Русскія народныя картинки», т. IV, Спб. 1881 г., стр. 650),—была икона Софіи Премудрости Божіей, по преданію письма Андрея Рублева, съ четырьмя ангелами (вмѣсто шести); Богоматерь и Предтеча держатъ, каждый, по клейму съ изображеніемъ Спасителя». У Николая Михайловича Постникова, какъ видно изъ каталога его собранія (М. 1890 г.), не мало иконъ (№№ 111, 112, 113, 137, 138, 919), о которыхъ онъ «завѣрное полагаетъ, что онѣ письма Андрея Рублева XIV в.» (рис. 23, 24 и 25). Рублевскія иконы указываются и въ собраніи Андрея Михайловича Постникова (рис. 26, 27 и 28; см. В. И. Успенскій. «Переводы съ древнихъ иконъ изъ собранія А. М. Постникова». Спб. 1899 г. №№ 1—3).

Почему эти иконы приписываются гг. Постниковыми Андрею Рублеву,—сказать трудно. Выставленное на иконѣ, изъ собранія А. М. Постникова, у Крестителя двуперстіе, и притомъ весьма отчетливое, не указываетъ ли на происхожденіе ея во время споровъ о двуперстіи и триперстіи, когда защитники старины и сами лично и на иконахъ у святыхъ выставляли два перста въ настойчивое поученіе о необходимости креститься двумя, а не тремя перстами? Наконецъ, въ нашемъ изданіи: «Образцы древне-русской иконописи. Переводы изъ собранія М. В. Тюлина. Спб. 1899 г.» помѣщенъ (табл. VII) переводъ съ подписью: «Рисунокъ со Ондрея Рублева». Подпись позднѣйшая,— можетъ быть, даже XIX столѣтія (рис. 29).

Въ большинствѣ случаевъ основаніемъ къ тому, чтобы приписывать тѣ или другія иконы Андрею Рублеву, служитъ, какъ кажется, сравнительно высокое ихъ художественное достоинство, а преимущественно желаніе владѣльцевъ видѣть въ своихъ рукахъ твореніе великаго иконописца.

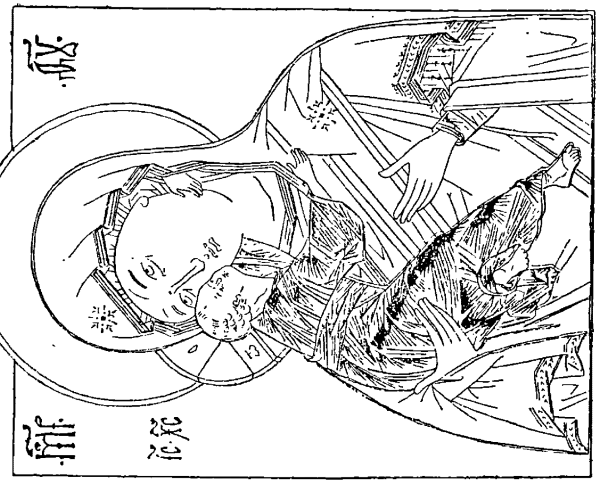


Рис. 27.

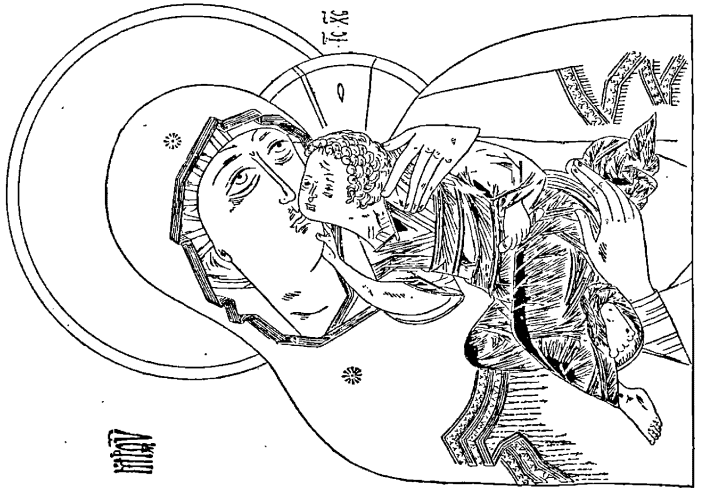


Рис. 26.

По замѣчанію Собко, «нашему иконописцу приписывали всѣ древніе образа» [1]), подобно тому, какъ, по замѣчанію одного западнаго писателя, «всѣ древнія иконы Богоматери работы византійскихъ мастеровъ приписываются на востокѣ Св. Лукѣ» [2]).

Рис. 28.

«У Рублева,— предполагаетъ Снегиревъ,—были ученики и подражатели: отъ сего многіе образа, писанные въ подражаніе ему, слывутъ Рублевыми» [3]).

Буслаевъ говоритъ, что «Андрей Рублевъ изъ школы Сергія Радонежскаго болѣе консервативной, чѣмъ другія, особенно въ Новгородѣ и Псковѣ, подъ вліяніемъ запада» [4]). Но откуда извѣстно, что была особая школа Сергія Радонежскаго?

Рублевъ,—по словамъ Иванчина-Писарева,—«едва ли не одинъ въ то время умѣлъ соединить мысль и чувство, приличъ-

---

[1]) Словарь, стр. 168.

[2]) M. Beulé, de l'institut, Revue des deux mondes, 1861 an. 15 octobre, p. 816.

[3]) Древности Росс. госуд. Отд. 1, стр. 24.

[4]) Общія понятія о русск. иконописи, ст. въ Сборникѣ Общества древнерусскаго искусства на 1866 годъ, стр. 8.

ныя моменту, въ самыхъ мелкихъ, почти миніатюрныхъ изображеніяхъ, коими онъ украшалъ иконы съ житіемъ»[1]). По замѣчанію Снегирева, «рисунокъ въ иконахъ Рублева строгій и отчетливый, раскраска, хотя твердая и бойкая, но плавная и тонкая, или, какъ говорятъ иконники, облачная: темною она кажется сколько отъ преобладанія вохры и санкиря, столько и отъ олифы. На сильныхъ мѣстахъ не нанесена бѣлилами, но пущена въ тонкую тѣнь. По своему стилю Рублевъ былъ вѣрнымъ Византійской школѣ». По поводу же иконы святыхъ Макарія Египетскаго и Макарія Александрійскаго Снегиревъ говоритъ: «Какъ изъ этого образа, такъ равно изъ другихъ

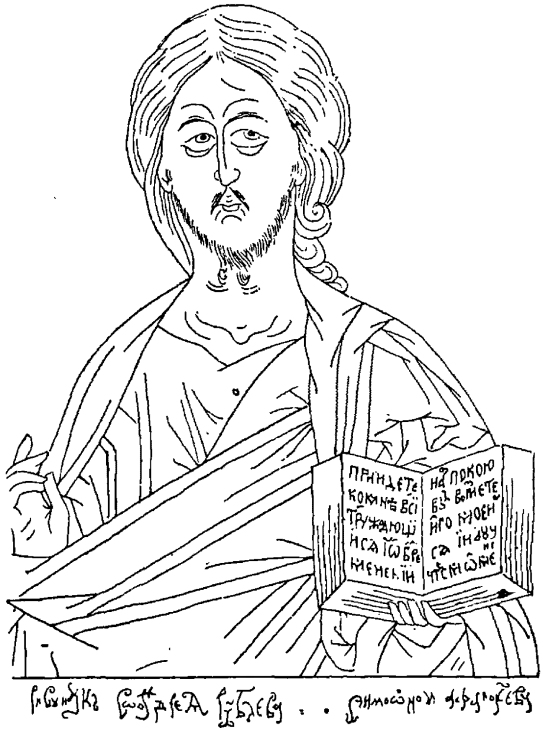


Рис. 29.

извѣстныхъ подъ именемъ Рублевыхъ, можно судить о рисункѣ и раскраскѣ въ школѣ его, запечатлѣнной характеромъ Византійскаго и Корсунскаго стиля. При своей неправильности, сильный и твердый его рисунокъ высказывается въ рѣзкихъ чертахъ; колоритъ же вообще единообразенъ и мраченъ, но плавокъ и плотенъ: тонъ строго подчиненъ идеѣ. Отчет-

[1]) Прогулка по древнему Коломенскому уѣзду, стр. 150.

ливость, тонкость и чистота отдѣлки свидѣтельствуютъ объ искусствѣ и ловкости пріемовъ, а точное согласованіе изображаемыхъ лицъ съ преданіями православной церкви обнаруживаетъ въ художникѣ основательное знаніе ея ученія и древностей» [1]).

Однако на основаніи какихъ именно иконъ Иванчинъ-Писаревъ и Снегиревъ характеризуютъ письмо Рублева, и дѣйствительно ли всѣ эти иконы Рублевскія?

Голословною также представляется слѣдующая характеристика произведеній Рублева, сдѣланная проф. А. П. Голубцовымъ и повторенная г. Новицкимъ: «Оставаясь вѣрнымъ задачамъ церковной живописи, Рублевъ оживилъ монотонность пошиба (?) и привнесъ въ иконопись ту художественность исполненія, которою отличались потомъ лучшія произведенія московской кисти, близко соприкасавшіяся съ этой стороны съ иконами такъ называемаго строгановскаго письма» [2]).

Пріемы иконописанія въ древней Руси не благопріятствовали обнаруженію индивидуальныхъ особенностей художника. Здѣсь господствуетъ начало артели, въ которой личность исчезаетъ, какъ часть въ цѣломъ. Какъ мы видѣли, Андрей Рублевъ всю жизнь работалъ съ Даніиломъ и другими (Ѳеофаномъ, Прохоромъ съ Городца). При такой совмѣстной работѣ, трудно, конечно, разграничить произведенія одного мастера отъ произведеній другого: работа общая и произведенія общія.

Съ другой стороны, если бы извѣстная икона была написана, несомнѣнно, Андреемъ Рублевымъ,—даже и въ этомъ случаѣ съ теченіемъ времени отъ поновленій она могла измѣниться до неузнаваемости.

Несомнѣнно, что Андрей Рублевъ стоялъ во главѣ возрожденія русской иконописи послѣ упадка вслѣдствіе монголь-

---

[1]) Древности Рос. госуд. Отд. 1, стр. XXIX и 25.

[2]) Душеполезное Чтеніе за 1897 г. ст. проф. Голубцева: Изъ исторіи древнерусской иконописи, стр. 13; ср. Новицкаго А. Исторія русск. искусства, вып. V, М. 1900 г., стр. 323—324.

скаго погрома, какъ преподобный Алимпій былъ первымъ русскимъ иконописцемъ. Въ концѣ XIV и началѣ XV в., при недостаточности художественныхъ силъ въ Россіи, здѣсь работаютъ греки: русское иконописаніе какъ зародилось отъ греческаго искусства, такъ и возраждалось подъ его воздѣйствіемъ. Русскіе иконописцы являются помощниками, учениками греческихъ, и уже это одно свидѣтельствуетъ о сходствѣ въ ихъ направленіи. Такимъ образомъ, Андрей Рублевъ слѣдовалъ византійскому направленію. Недаромъ, поэтому, всѣ приписываемыя ему иконы, не смотря на рѣзкія различія между ними въ типахъ, композиціяхъ, колоритѣ,—одного и того же византійскаго стиля.

Нельзя, однако, думать, что Андрей былъ простымъ копіистомъ византійскихъ образцовъ и не внесъ чего-либо новаго въ русское иконописаніе. Противъ такого предположенія лѣтописныя извѣстія о чрезвычайномъ восхищеніи современниковъ предъ его иконами, объ уваженіи къ нему, какъ къ живописцу необыкновенному. Страстно преданный дѣлу художникъ, какимъ представляется Андрей Рублевъ, не могъ, конечно, ограничить свою работу простой копировкой. Работая въ духѣ греческомъ, онъ въ тоже время начиналъ новое направленіе, которое вырождалось изъ византійскаго и господствовало въ Россіи XV—XVII столѣтія.

Глубокое чувство благочестія и беззавѣтная преданность святому искусству впечатлительной души Андрея должны были передаваться «въ вещественныхъ вапахъ» на предметахъ благочестія—святыхъ иконахъ его кисти. Но не совсѣмъ справедливо мнѣніе, что «въ глубокомъ пониманіи задачъ иконописи и въ религіозно-благоговѣйномъ отношеніи къ предмету своихъ постоянныхъ занятій и заключалась вся сила необыкновеннаго авторитета, какимъ пользовалось имя этого художника у современниковъ» [1]). Авторитетъ Рублева нельзя объяснить только

[1]) Новицкій. Тамъ же, стр. 323—324.

его благочестивою настроенностію. На Руси не мало было иконописцевъ, причисленныхъ къ лику святыхъ, но ни одинъ изъ нихъ не имѣлъ такого авторитета, какъ Рублевъ. Несомнѣнно, что онъ былъ не только благочестивымъ, но и талантливымъ художникомъ. Съ его произведеніями въ иконопись вносилась живая струя горячей вѣры и любви симпатичной, очаровательной личности, недюжинной духовной силы изъ среды русскаго народа... При недостаточности иконописцевъ и послѣ упадка искусства въ XIII и началѣ XIV вѣка талантъ Рублева былъ особенно замѣтенъ, какъ блескъ огня тѣмъ ярче, чѣмъ сильнѣе темнота.

Замѣчательно, что въ то время, когда на сѣверѣ Европы въ холодной Московіи работалъ Андрей Рублевъ, подъ вѣчно голубымъ небомъ Италіи трудился художникъ, во многихъ отношеніяхъ весьма похожій на Рублева. Это Фра-Анжелико (или Фіезоле). Подобно Андрею, онъ былъ также монахъ (принадлежалъ къ числу доминиканцевъ въ Фіезолѣ). Онъ одинъ изъ видныхъ представителей Умбрійской школы, которая осталась не безъ вліянія на Рафаэля. Прежде, чѣмъ начать писать икону, Фра-Анжелико падалъ на колѣна съ молитвою и не могъ представить себѣ Христа распятаго на крестѣ, не обливаясь слезами. Въ его работахъ, наивныхъ и трогательныхъ, сказывается нѣжность его натуры, горячая вѣра, искреннее чувство. Смиреніе было отличительною чертою Анжелико. На предложеніе ему занять каѳедру архіепископа во Флоренціи, онъ отвѣтилъ, «что этотъ санъ болѣе подходящій отцу Антонію Pierozzi,—благочестивый его собратъ по монастырю, дѣйствительно, послѣ отказа Анжелико, сдѣланный архіепископомъ Флорентинскимъ. Насколько строго хранилъ Анжелико обѣты своего монастыря, свидѣтельствуетъ слѣдующій фактъ. Видя Анжелико изнуреннымъ отъ поста, папа велѣлъ ему есть мясо, но братъ Іоаннъ (Анжелико) отвѣтилъ: «Я не имѣю на то разрѣшеніе отъ пріора». Преклоняясь предъ авторитетомъ настоятеля, братъ Іоаннъ забывалъ при этомъ о верхо-

венствѣ въ католической церкви римскаго первосвященника. Фра-Анжелико жилъ въ 1387 — 1455 годахъ. Параллель между нимъ и Андреемъ Рублевымъ показываетъ, что тогда еще находились глубоко благочестивые иконописцы, какъ на сѣверѣ, такъ и на югѣ Европы, на нѣкоторое сродство русскаго иконописанія и итальянской живописи того времени.

Вліяніе таланта Андрея Рублева въ исторіи русскаго искусства было громадное. По словамъ лѣтописи, какъ мы видѣли, произведеніямъ кисти Рублева удивлялись не только современники, но и потомки ихъ. Иконы его письма признавались выдающимися и всегда цѣнились весьма дорого. «Въ нѣкоторыхъ духовныхъ завѣщаніяхъ государей, (?)—говоритъ Иванчинъ-Писаревъ,—означаются иконы дѣла или письма Рублева» [1]) «А преподобнаго отца нашего государя игумена Іосифа самъ, господине Іоне, помнишь,—пишутъ Волоколамскіе иноки старцу Іонѣ Головѣ:—сколько книгъ съ собою принесе и святыхъ иконъ... четыре иконы, три Рублева письма Андреева» [2]). Какъ передается въ житіи преподобнаго Іосифа Волоколамскаго (1515 г.), онъ, желая примириться съ Тверскимъ княземъ Ѳеодоромъ Борисовичемъ, «начатъ князя мздою утѣшати, и посла къ нему иконы Рублева писма и Діонисіева» [3]). Разумѣется, для «утѣшенія князя мздою» требовалась весьма цѣнная вещь. Въ 1547 г. былъ пожаръ въ Москвѣ, въ Благовѣщенскомъ соборѣ,—и «Деисусъ Андреева письма Рублева сгорѣлъ»,—говоритъ лѣтописецъ [4]). Видно, что лѣтописцу весьма жалко икону Андреева письма Рублева. Такъ высоко цѣнились произведенія Рублевской кисти, что объ утратѣ ихъ считали нужнымъ заносить въ лѣтописи, какъ о событіи, имѣющемъ большую важность и общественное значеніе. Стоглавый соборъ, на которомъ предсѣдательствовалъ митрополитъ Макарій, самъ иконописецъ,—

---

[1]) Вечеръ въ Симоновѣ, стр. 92.

[2]) Жмакинъ В. Митрополитъ Даніилъ и его сочиненія. М. 1881 г. стр. 57, прилож.

[3]) Чтен. Моск. Общ. Люб. Дух. Просв. 1865 г. т. II, прилож., стр. 40.

[4]) Никон. лѣт. V, стр. 14.

запретивъ «описывать Божество отъ самосмышленія и своими догадками», повелѣлъ «держаться съ превеликимъ тщаніемъ образцевъ древнихъ иконописцевъ», особенно «Андрея Рублева». «Преподобный Андрей Радонежскій,—говорится въ одномъ подлинникѣ, — писаше многія святыя иконы чудны зело» (т. е. удивительно хороши) «и украшены» [1]). Другой подлинникъ говоритъ: «Преподобный отецъ Андрей Радонежскій, иконописецъ, прозваніемъ Рублевъ, многія св. иконы написалъ—все чудотворныя» (это едвали не высшая похвала, какой можетъ удостоиться иконописецъ), «яко же пишетъ о немъ въ Стоглавѣ св. чуднаго Макарія митрополита, что съ его письма писати иконы, а не своимъ умысломъ» [2]). Особенности кисти Рублева, съ теченіемъ времени, становились все неопредѣленнѣе, но, съ потерею индувидуальныхъ особенностей, онъ въ сознаніи древне-русскаго иконника сдѣлался синонимомъ идеальнаго изографа, идеаломъ. «Какъ аѳонская школа иконописи считала за лучшее подражать пресловутому Мануилу Панселину, котораго признавала своей главой, такъ для древнерусскаго иконописца въ одномъ имени Рублева сливалось все то лучшее, къ чему онъ стремился въ своемъ искусствѣ» [3]).

Произведенія геніальной кисти Рублева, слившись съ произведеніями другихъ русскихъ иконописцевъ, потонувши, такъ сказать, въ морѣ русской иконописи, способствовали ея развитію, процвѣтанію. Это былъ тотъ «малъ квасъ, который киситъ все смѣшеніе», исчезая въ немъ. Элементы красоты, внесенные въ русское искусство даровитымъ монахомъ, конечно, не пропали, не умерли, но, какъ все истинное, прекрасное, доброе, живы и дѣйственны до настоящаго времени. Кто знаетъ: можетъ быть, ими мы восхищаемся и въ произведеніяхъ современныхъ художниковъ, съумѣвшихъ передать ихъ?

---

[1]) Сахаровъ. Изслѣдованія о русскомъ иконописаніи. М. 1850 г. приложенія, стр. 14.

[2]) Буслаевъ. Очерки, т. II, стр. 379.

[3]) Голубцевъ А. П. Изъ исторіи древне-русск. икон., стр. 12—13.